Детектив
под знаком
Зодиака
Диана Кирсанова
Созвездие
Льва,
или
Тайна
старинного
канделябра
Эксмо

Детектив под знаком Зодиака

Диана Кирсанова

Созвездие Льва, или Тайна старинного канделябра

«Эксмо»

2008

Кирсанова Д.

Созвездие Льва, или Тайна старинного канделябра /
Д. Кирсанова — «Эксмо», 2008 — (Детектив под знаком Зодиака)

Нет ничего опаснее для злоумышленника, чем встретить на пути противника, рожденного под знаком Льва. Львы не только терпеть не могут проигрывать, но еще и обладают повышенным чувством справедливости. Когда юная Вероника принимает неожиданное решение – презентовать мужу на день рождения старинный канделябр, именно красавица Ада – Леди Зодиак, – рожденная под знаком Льва, спасает ее в сложнейшей ситуации. Канделябр – трехголовый бронзовый дракон – стал орудием преступления. Старый антиквар, обещавший Веронике доставить покупку прямо к торжественному ужину, забит тяжелым бронзовым чудовищем до смерти. Сам дракон похищен. Ну уж Ада так просто этого не оставит! Она вычислит жестокого убийцу, призвав на помощь древние знания астрологии…

© Кирсанова Д., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

Москва, август 2008 года 5
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Диана Кирсанова
Созвездие Льва, или Тайна старинного канделябра

Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла – с ним шутки плохи.
Л. Кэрролл.
Алиса в Стране чудес

Москва, август 2008 года

– Прекрасная вещь! – раздалось за ее спиной.

Это было настолько неожиданно, что Вероника вздрогнула и инстинктивно ухватилась за свою сторону прилавка.

– Прекрасная вещь и дорогая, – повторили за спиной глубоким контральто. – Я даже думаю, что ее настоящая цена неизвестна и самому хозяину.

«Ну и чего я испугалась, дурочка?» – подумала Вероника, приходя в себя. Нахмурившись, она обернулась и сердито воззрилась на ту, что высунулась здесь со своей непрошеной похвалой.

Ею оказалась высокая, гренадерского роста, молодая женщина с роскошной гривой крупно вьющихся рыжих волос, одетая по последней моде – и очень дорого одетая, уж такие-то вещи Вероника распознавала с первого взгляда. На белых руках с идеальным маникюром – броские, явно эксклюзивные украшения с малопонятной символикой. Из-под волос на шею спускаются длинные серьги с крупными вставками каких-то камней.

Вообще все в незнакомке было крупно, ярко, броско и чересчур. Даже черты лица казались выточенными смелой рукой из какого-то неизвестного, и оттого особенно притягивающего к себе взгляд материала – то ли мрамора, то ли алебастра, но может быть, и такого, какой пока еще и вовсе не открыт геологами. На овальном, правильной формы, лице особенно выделялись глаза, в которых мерцали странно, по-кошачьи растянутые зрачки, и полные губы, покрытые кроваво-красной помадой.

– Отличный выбор, – повторила странная девица, тряхнув огненно-рыжей гривой, и зеленые глаза ее отчего-то заискрились кошачьими желтыми огоньками. – Вы не ошиблись – это именно то, что вам нужно. Сегодняшний день для вас вообще удачен для всякого рода неожиданных покупок.

Совершенно непонятно было, откуда она здесь взялась.

Вероника поклясться могла бы, что еще десять минут, да каких там десять – три минуты назад, кроме нее и лениво жующего у входа охранника, в этом полуподвальном арбатском «чуланчике» не было ни единой живой души!

…Она только что толкнула на себя тяжелую, сделанную под старину железную дверь с коваными уголками. Колокольчик тренькнул, охранник повернул на Веронику сонные глаза и лениво провожал взглядом, пока она, оглядываясь на ходу, шла к стеклянным шкафам, тесно заставленным всякой всячиной.

Конечно, выражение «всякая всячина» не слишком подходит к антиквариату и разного рода раритетным вещичкам, которые главным образом и составляли содержимое этих шкафов, но больно уж тесно и бессистемно все это было туда понапихано.

На пепельнице в виде головы русского богатыря висел чей-то парадный эполет, потрепанные атласные веера соседствовали с кавказским кинжалом ручной работы, а на старинном молитвеннике в футляре из слоновой кости лежала пожелтевшая от времени бальная туфелька с блескучей пряжкой. И так везде.

Не пещера Али-Бабы, конечно, но все равно интересно.

Света, правда, было маловато – полуподвал есть полуподвал, и даже вмонтированные в стены светильники не столько способствовали освещению помещения, сколько создавали атмосферу таинственности. Чтобы разглядеть каждую из спрятанных штучек во всех деталях, приходилось чуть ли не прижиматься к стеклу носом. Но Вероника, не слишком стесняясь присутствия охранника, то присаживалась у шкафов почти на самые корточки, то, прижимая к себе сумочку, приподнималась на цыпочки – словом, проделывала целое гимнастическое упражнение для того, чтобы рассмотреть вещи, принадлежавшие давным-давно умершим людям.

Охранник смотрел на нее все так же лениво, слегка морщась от цоканья Вероникиных каблучков по бетонному полу – как ни старайся ступать потише, а любое движение здесь отдается эхом от каменных стен.

– Скажите, а где хозяин? – наконец спросила она у стража сокровищ.

– Что-то интересует? – Голос у него был под стать глазам: такой же ленивый и невыразительный.

– Да. Вот это, – Вероника ткнула пальцем в витрину, где стоял чудной канделябр: подставки для свечей сделаны в виде голов дракона, а основание – тело дракона, расправившего по сторонам чешуйчатые крылья и упирающегося в стол крепкими, когтистыми лапами.

Воображение тут же подсунуло колоритнейшую картинку: такая вот штука стоит на столе ее гостиной, свечи вставлены и зажжены, а свет в комнате погашен – и из пастей драконовых голов вырываются маленькие языки огня. «Куплю!» – подумала она, еще не слишком, однако, в это веря.

Вероника знала это про себя – непостоянство в желаниях. У нее был странный характер: она без колебаний шла на поводу у очередной своей причуды, причем заранее зная, что Павка и мама ее не поддержат. «Вика, ты уже не девочка, тебе двадцать шесть с хвостиком – извини, но я как мать…» Да, мама всегда ждала от нее более взвешенных поступков. Покупку подсвечника, который наверняка стоил больше, чем годовая мамина пенсия, она наверняка бы не одобрила.

Но именно это соображение неожиданно и укрепило дух Вероники. Вот так вот взять и воплотить в жизнь неожиданную фантазию – это куда интереснее нудной привычки обдумывать свои решения!

* * *

– Так где хозяин? Ну или кто тут у вас: продавец? – Ей не очень хотелось употреблять это слово, слишком прозаичное для обозначения человека, который может спокойно прикасаться к прекрасным уникумам за стеклом.

– Щас, – буркнул страж и нажал около себя какую-то кнопку.

Почти сразу же в самой глубине подвальчика высветился яркий прямоугольник, из которого выбежал, всплеснул руками, закивал головой и затараторил одновременно кто-то старенький, маленький, плотненький, лысенький, очкастый и ужасно суетливый.

– Боже мой! Боже мой! – вскрикивал он звенящим фальцетом и все время вертелся вокруг Вероники, переступая туда-обратно мелкими шажочками, как будто бетонный пол жег ему ножки – обутые, кстати сказать, в очень добротные лакированные ботинки. – Покупатель! Настоящий покупатель! Живое существо из плоти и крови! Какой благословенный день – спа-

сибо Аде! Вы ведь пришли покупать? Да? Не посмотреть, не поглазеть, не провести время, не спрятаться под моим прилавком на время игры в казаки-разбойники, а именно покупать? Милая моя, не разочаровывайте меня, скажите, что это так! Умоляю, дорогая, не доводите Натаниэля Блюхера до инфаркта, скорее подтвердите: вы шли именно ко мне и именно с целью что-нибудь приобрести!

– Ну в общем: да, пожалуй, – неуверенно пробормотала Вероника. – Зачем же еще ходят в антикварную лавку?

– Милая моя, вы и представить себе не можете, какие цели бывают у людей, когда они заходят к бедному Натану! Я уж не говорю обо всех этих обедневших аристократках из бывшего партактива КПСС, которые то и дело норовят подсунуть мне на комиссию какую-нибудь рухлядь вроде потертой плюшевой скатерти или двухведерного самовара! Бог с ними, с этими старушками! Но вот представьте, буквально вчера, ровно за сутки до вашего благословенного появления, открывается дверь, и заходит: кто бы вы думали? Делегация «Мосфильма»! Четверо невоспитанных, хамоватых, небритых молодых людей, двое из которых жевали жвачку, а еще двое дышали чем-то ужасным, мне страшно говорить об этом вслух такой красивой девушке, но кажется, перед визитом ко мне они выпили пива и закусили чесночными лепешками. Так, может быть, вы таки думаете, что они пришли ко мне с целью купить что-нибудь у одинокого, старого, несчастного еврея? Нет! Они пришли предложить мне одолжить им на время съемок львиную долю вот этих сокровищ. – Он сразу обеими руками махнул на возвышающиеся за его спиной шкафы. – Одолжить! Как вам таки нравится это слово? Вещи, которым нет цены! Всего-навсего одолжить для съемок глупейшего телесериала, а что взамен? Старому еврею пообещали упомянуть его имя в титрах! Две строчки с именем и фамилией сразу после водителя и младшего гримера!

На этих словах старый еврей, которому на вид было лет около семидесяти, сцепил у подбородка странно маленькие ручки и вдруг, запрокинув голову, расхохотался дробным мелким смешком – будто бисера бросили на прилавок между ним и Вероникой. Да, суетясь и подскакивая, владелец антикварной лавки умудрился как-то незаметно закатиться за прилавок. Теперь от Вероники его отделял широкий ящик со стеклянной поверхностью, под которой тоже что-то поблескивало в полумраке – кажется, связки бус и монист, какие принято надевать на карнавальных шествиях.

– Итак, чем могу? – В предчувствии большой торговли хозяин сдернул с носа очки, подбросил их и поймал на лету. – Что мы с вами будем… приобретать?

Нелепость последней фразы насмешила Веронику, она прыснула и весело взглянула в лукавые, ясные глаза антиквара.

С первой минуты ее не покидало ощущение, что этот человек добродушно подсмеивается над нею – так, без особой цели, просто в силу игривости характера. При всей своей карикатурности Натаниэль Блюхер никак не походил на скрягу-еврея, который постоянно жалуется на бедность и удары судьбы.

У него был довольно бодрый вид, а главное – смеющееся выражение лукавой мордочки, и эти ясные глаза, и морщинки, лучиками расходящиеся от уголков глаз к совершенно лысым вискам. На этого чудака нельзя было смотреть, не испытывая почти мгновенного чувства симпатии. «Ему бы комических стариков играть в тех самых телесериалах, которые он так ненавидит», – весело подумала она.

– Покажите мне вот, – Вероника указала на канделябр-дракон, и Натаниэль радостно всплеснул ручками, одобряя ее вкус. – Это ведь настоящий канделябр? Его можно… – Она хотела сказать «включать», но спохватилась тому, как это глупо, смешалась и покраснела. – Он… ну, в общем – работает?

– Милая моя! Эта вещь, по-настоящему Вещь с большой буквы, будет служить вам тысячу лет! Это вам не пластмассовая китайская подделка с неработающими лампочками!

Настоящая французская бронза начала XVII века, отлито по эскизу великого итальянского живописца Джованни Баттиста Тьеполо! Бронза, литье, прочеканка, гравировка, золочение: да что там говорить! Вы у прапрапрабабушки своей спросите, дай ей бог здоровьичка на том свете, что такое эти старинные канделябры. Ведь им износу нет, и устаревания нет, и цены тоже нет – я же за чисто символическую плату продаю! Чисто символическую!

Когда продавец говорит, что продает что-то за «чисто символическую плату», это значит, что плата на самом деле будет символизировать полное опустошение счета покупателя. Уж такие-то вещи, даже при своей наивности, Вероника понимала сразу. Но из самой глубины ее существа к самому горлу уже поднималась тугая волна упрямства: куплю! Все равно куплю! Могу себе позволить – уж один-то раз в жизни!

– Сколько?

Антиквар поманил ее пальцем, вынуждая перегнуться через самый прилавок, и назвал сумму, от которой у Вероники тоскливо заныло сердце. Черт! И ведь больше ни на что не останется!

– Я поближе хочу рассмотреть, – насупилась она, покрепче прижав к груди сумочку.

Очки снова сорвались с носа Блюхера, подброшены в воздух и ловко подхвачены улыбающимся во весь рот хозяином.

– Момент, моя дорогая! Момент! Я только сбегаю за ключами. Не люблю держать ключи на виду, знаете ли, в наше время это все равно, как ходить по блошиному рынку с вывернутыми карманами!

Антиквар выскочил из-за прилавка и исчез в прямоугольнике света (там открытая дверь в подсобку, догадалась Вероника).

И как только эхо его частых шажочков затихло в глубине подвальчика, сзади и раздалось:

– Прекрасная вещь! И дорогая. Я даже думаю, что ее настоящая цена неизвестна и самому хозяину. Отличный выбор. Вы не ошиблись – это именно то, что вам нужно.

Девица с огненно-рыжей гривой роскошных волос, казалось, вовсе не смущалась откровенно враждебного взгляда Вероники. Напротив, ведьма смотрела на нее со странным выражением насмешливого дружелюбия – так, как обычно взрослые взирают на детей, затеявших рискованную, но увлекательную игру, во время которой опыта у неразумного дитяти, может, и прибудет, однако и шишки и ссадины на коленках будут обеспечены.

Вероника и в самом деле вдруг почувствовала себя девочкой.

Мало того что она едва доходила незнакомке до середины груди – а ведь маленький человек всегда ощущает свою подсознательную беззащитность перед более высоким и сильным. Да еще этот страх, ну не страх – робость, и даже не робость, а… да черт его знает, но эти глаза с узкой, как клинок, щелью зрачка и золотыми крапинками по радужной оболочке смущали ее так, что позвоночник продрал мороз. Разве у людей бывают такие глаза?

Настоящий кошачий взгляд, пристальный и хитрый. Или хищный?

Не разберешь.

* * *

Застучали дробные шажки – Блюхер возвращался обратно, радостно побрякивая нанизанными на палец блестящими ключиками, продетыми в колечко. Присутствию незнакомки, которая неизвестно откуда взялась и непонятно, чего тут делала, антиквар нисколько не удивился.

– Один момент, дамочки! Несколько поворотов волшебными отмычками – и вы сможете лично почесать за ушком спящего дракона.

Он повернулся к ним спиной и завозился, отпирая драконову темницу.

Только теперь Вероника вдруг поняла, что Рыжая появилась тоже из подсобки – вышла вслед за Блюхером, прошла в полумраке, пока она разговаривала с хозяином, и неслышно встала у нее за спиной.

Стекло у здешних шкафов и витрин было какое-то особое – наверное, неразбивающееся или вообще бронированное. Вероника поняла это по тому, что и ключики были не простыми ключиками, а электронными «таблетками» из тех, что одновременно блокируют и сигнализацию.

У нее и самой был дома такой.

– Вот! – Долгожданный канделябр был водружен на прилавок и быстро обтерт какой-то специальной тряпочкой, хотя казалось, что в этом не было никакой необходимости. – Обратите внимание – какая экспрессия, какая чудесная лепка! Да, литейщики времен Петра Первого знали свое дело – чудище как живое, и никто не может меня убедить в том, что такие драконы никогда не топтали нашу много чего повидавшую, потертую от многочисленных шагов планету!

Как завороженная, Вероника смотрела на шипастые головы чудовища с разинутыми в свирепом рыке пастями. В черном зеве каждой торчал страшный острый шип. Клык? Ах нет, это просто крепление для свечи. Но как страшно – особенно здесь, в сумраке подвального магазинчика!

И как притягательно – особенно если подумать, что эти страшные пасти, эти чешуйчатые крылья, расправленные в порыве взлететь, эти когти, каждый из которых по форме напоминал янычарский меч, – все это триста лет назад поглаживала в задумчивости какая-нибудь юная, укутанная в бархат и кружева княжна, и ее жемчуга горели в пламени свечей, а нежная кожа розовела в отблеске огненных язычков!

Вероника зажмурилась, уговаривая себя прийти в себя хотя бы для того, чтобы немного поторговаться, но разум уже отделился от тела, и она с удивлением услышала собственный голос:

– Я покупаю! Упакуйте, пожалуйста, и… и знаете что? Я бы хотела, чтобы мне это доставили на дом. Завтра. Не позже шести часов вечера. Это возможно?

Не такая уж это была странная просьба, учитывая стоимость сказочной «безделушки». И потом, у Вероники были на то свои причины.

Антиквар как-то неуверенно посмотрел на Веронику. Белесые брови взмыли к переносице, образуя почти идеальный прямой угол, а лучики морщинок у глаз разгладились от удивления.

– Но милая! У меня нет службы доставки… У меня здесь даже мальчика на побегушках нет!

– Придумаешь что-нибудь, Натан! – подала вдруг голос Рыжеволосая, и по тому, как она это произнесла, стало ясно: нет даже полпроцента вероятности того, что этот человек может ослушаться ее приказания. – Курьера наймешь из «Экспресс-доставки», их объявлениями вся Москва заклеена. Или сам пройдешься ножками с канделябром под мышкой, для твоей фигуры, кстати, полезно. У тебя сегодня удачный день. Сразу две удачные продажи! Не гневи судьбу. Сделай, что тебя просят.

– Ты думаешь, Адочка? – перегнулся к ней антиквар.

В его позе, в самом изгибе обтянутой замшевым пиджачком спины, чувствовалось что-то заискивающее, будто угодить этой рыжеволосой львице было для него важнее всего – может быть, даже важнее собственной выгоды.

– Я не думаю. Я знаю.

* * *

В общем, они довольно быстро договорились. Вероника расстегнула «молнию» на сумочке, вынула кошелек и вытряхнула на прилавок почти все его содержимое, пришлепнув купюры новенькой, только недавно полученной в банке кредиткой. В потайном кармашке кошелька оставалась последняя тысячная бумажка, на которую нужно было купить продукты к ужину.

А Натан Блюхер, в последний раз сняв, подкинув и поймав на лету очки, принялся оформлять ее покупку, клятвенно заверив Веронику, что «дракон» будет ей доставлен завтра точно по адресу и никак не позже шести часов вечера.

Пока Блюхер в последний раз протирал канделябр мягкой тряпочкой и очень ловко заполнял всякие квитанции и сертификаты, Вероника искоса, чтобы не показаться слишком навязчивой, с новым интересом разглядывала свою рыжеволосую заступницу.

На добрую фею из сказки она по-прежнему не походила. Стояла, вытянув белую руку в сторону одного из настенных светильников, и медленно поворачивала ладонь, любуясь камнем на своем перстне.

Перстень был огромный, закрывающий целую фалангу среднего пальца, и красавица (Вероника только сейчас осознала, что Рыжеволосая – красавица в истинно драматичном, роковом значении этого слова) следила за игрой света на гранях камня, чуть прищурив свои колдовские глаза.

Изумительный камень! Даже здесь, в полумраке, при каждом повороте Адиной кисти он разливался гаммой цветов: от чисто-красного – до фиолетового, буро-бордового, медово-желтого, зеленого, коричневого…

– «Как солнечный луч воспламеняет гранат в твоем перстне, так сердце мне разжигает любовь к тебе», – нараспев сказал антиквар, бросив короткий взгляд на Рыжеволосую. – Это сказано одним персидским поэтом, Хафизом звали его. В юности, Адочка, я увлекался восточной поэзией. Прекрасные слова. И прекрасный камень. Теперь такого уже не найти, нет! Да и где бы ты стала его искать? На наших штамповальных фабриках, где колечки режут из свернутой в трубочки золотой пластины и закатывают в них стекляшки из елочной гирлянды? Это смешно! А на твоей ручке теперь настоящая ювелирная работа.

– Я сама – настоящая ювелирная работа, – усмехнулась львица. – И ты совершенно напрасно стараешься. Можешь не переживать. Перстень ты мне уже продал, возвращать тебе его обратно не в моем характере.

– Конечно, я понимаю, это очень дорого, но я…

– Это действительно дорого, но деньги, как тебе известно, меня не интересуют. В данном конкретном случае.

– За что тебя люблю, дорогая, – прицокнул языком Блюхер, – так это за широкий взгляд на вещи. Наверное, именно поэтому ты видишь… Все!

– Да, – спокойно подтвердила Рыжая, не отрывая взгляда от перстня, – именно поэтому я вижу ВСЁ.

Показалось ли Веронике, или то было просто случайным совпадением, что после этих слов камень на ее руке выплеснул особенно яркий сноп света, а стены подвальчика сотряслись раскатами вдруг накатившего грома?!

Грохот ударил как будто над ними и слегка за спиной, и в громе этом в одну только секунду слышался топот копыт неведомых черных всадников, и звон золота в чьих-то сундуках, и чей-то зловещий шепот, а огни светильников вдруг полыхнули не пламенем, а струйками настоящей крови, и крылья дракона на миг встрепенулись, мертвые глаза раскрылись, наливаясь зловещим светом и алчной силой голодного существа.

– Мамочка! – вскрикнула Вероника, выронив сумочку и зажмурившись.

Целую минуту она прислушивалась к стуку собственного сердца, а затем, еще не открывая глаз, почувствовала, как из приоткрытой по летнему случаю входной двери пахнуло свежестью, мокрой травой и на каменные ступеньки пролилось несколько капель зашелестевшего по крыше, крыльцу и деревьям дождя.

Она открыла глаза.

– Гроза, – улыбнулась ей Ада.

* * *

От Натана они вышли вместе. Антиквар, выглядевший заметно повеселевшим (две удачные продажи – а ведь день еще не кончился!), поочередно приложился к их ручкам – причем руку Ады он слегка задержал, в последний раз бросив умильный взгляд на перстень.

– Прощай, дорогая. Заходи почаще.

Ада резко обернулась, взмахнув рыжей гривой:

– Прощай? Нет уж, все-таки давай попробуем «До свидания». И это, может, у нас получится. Если ты будешь осторожен.

– Не понимаю, о чем ты.

– Просто будь осторожен.

Она вынула руку из ладони антиквара и направилась к выходу, не сказав больше не единого слова и не оглядываясь. Подхватив сумочку, Вероника с позорной поспешностью кинулась следом.

С позорной – потому что ведь никто не звал ее за собой, даже жеста приглашающего не сделал, и вообще ей слова не сказали, и тем не менее она бросилась за Рыжеволосой, как собачонка. Почему? Зачем? Наваждение какое-то!

Только тут она вспомнила об охраннике: дюжий детина продолжал сидеть у себя за столиком и индифферентно жевать яблоко, как будто все здесь произошедшее нисколько его не касалось.

Впрочем, так ведь оно и было.

А дождь на улице набирал силу – серебристая пелена встала перед ними, шурша струями, и нечего было даже надеяться проскочить через Арбат, не промокнув до нитки.

В нерешительности остановившись на тесном крылечке, Вероника в полной беспомощности уставилась на спину Ады. Ей показалось, что девица сейчас шагнет под водный занавес и растает в нем, как в тумане, а она, Вероника, так и останется стоять на этом чертовом крыльце, как… как… в общем, как дура.

Но Ада поступила иначе и не сделала при этом ровно ничего сверхъестественного. Она просто достала зонт (миниатюрный, хотя и извлеченный из довольно объемистой сумки), и этот зонт вдруг раскрылся в ее руках огромным цветным куполом.

– Ну что же ты? – оглянулась она на Веронику. – Пойдем, посидим где-нибудь за чашечкой кофе. Я угощаю.

– Пойдемте, – обрадовалась Вероника.

* * *

Они расположились на крытой веранде одного из многочисленных летних кафе-«стекляшек», откуда открывался чудный вид на Арбат. Дождь уже закончился, с крыши срывались лишь последние капли.

Кофейный автомат шипел, рассыпчатый наполеон на тарелочках источал нежную кремовую слезу, мимо бесшумно сновали официанты.

В окна лилось потрясающее московское лето, запах цветущих лип, городские шумы, к которым примешивался еле уловимый аромат «Шанели», исходящий от белой, с мелкими точками веснушек, кожи Рыжеволосой.

– Ты только кофе или возьмем что-нибудь покрепче?

Сейчас, в свете обычного летнего дня, во внешности Ады уже не было ничего демонического. Она выглядела так обыкновенно, что сидящая напротив Вероника невольно спрашивала себя – да было ли все это, не ошиблась ли она, приняв обычную посетительницу антикварного салона за нечто исключительное. Девушка как девушка, с роскошной рыжей гривой и прозрачными зелеными глазами, очень красивая, да – тут уж не отнимешь. На вид лет двадцати восьми – тридцати от силы, в общем, про таких говорят – в самом соку…

Вот только голос! Низкое, очень глубокое контральто с обволакивающими, окутывающими интонациями – как будто мягкая волна накрывала с головой, на время лишая возможности соображать самостоятельно.

– Так как?

– Я? Ой, не знаю. Сейчас, днем? Покрепче?

– Ничего, я угощаю.

– Да я не про то! – с досадой сказала Вероника. И с оскорбленным видом подозвала официанта: – Два коньяка, пожалуйста! Два по сто: нет, по сто пятьдесят граммов!

– Молодец, девочка! Узнаю тебя! – рассмеялась Ада. Браслеты и серьги на ней заколыхались в такт негромкому смеху, а солнечный луч, проникший сквозь застекленное окно, поджег рыжие волосы, и на них стало больно смотреть.

– Вы – узнаете меня? Разве мы знакомы?

– Нет, конечно. По крайней мере не знакомы в том смысле, какой люди обычно вкладывают в это слово.

– А какой смысл? Самый обыкновенный. Что, разве есть еще?

– Сколько хочешь, – обронила Ада и, звякнув браслетами, полезла в сумку за сигаретами.

На ней было свободное, с крупным геометрическим рисунком, летнее платье-рубашка, оставляющее открытыми руки и грудь, и легинсы. Наряд, очень подходящий к уже не жаркой, но все еще душноватой августовской погоде, а главное – удивительно шедший к ее фигуре, гибкой, стройной и легкой, несмотря на высокий рост.

Вероника вдруг почувствовала себя замарашкой и для укрепления морального духа поймала в окне свое отражение. Ну, она выглядит тоже очень даже ничего – в белых туфельках и шелковом, с белым воротничком, синем в белый горох платье. В таком же «стиле шестидесятых» была и ее прическа – уложенные шлемом и перехваченные белой лентой черные волосы с приспущенной на лоб пышной челкой. В этом сезоне самый модный стиль, между прочим!

И, что тоже немаловажно, Павке она тоже очень нравилась.

– Не обижаешься, что я сразу на «ты»?

– Не обижаюсь. А… вы… что вы хотели сказать? Ну, про то, что мы знакомы?

– Да все просто. Обладая некоторыми специальными знаниями и аналитическим складом ума, о человеке можно много узнать. Кстати, как тебя зовут?

– Ага? Как меня зовут? Самого главного-то и не знаете? – воскликнула Вероника не без некоторого злорадства.

Хотела поймать Рыжую на вранье, но та только пожала плечами:

– Имя человека – не самое главное. Хотя, конечно, оно тоже важно, особенно если его правильно подобрать. Я не фокусник и не медиум, читающий мысли на расстоянии, поэтому можешь быть уверена, что не только имени, но и твоих анкетных данных, и номера машины, и адреса не знаю.

– Ну-у… Что же тогда вы знаете-то?.. – протянула она разочарованно. Колдовской ореол, который она чуть было не возвела вокруг рыжей головы, начал слегка блекнуть.

Насупившись, Вероника пару раз ковырнула ложечкой наполеон и глянула на Аду с немым упреком ребенка, которого обманули.

Усмехнувшись, Ада выпустила колечко дыма, прищурила на Веронику глаза и вдруг заговорила, приглушенно цедя слова:

– Родилась ты зимой… Здоровье – крепкое, хотя подвержена простудам… Застенчива, многие считают тебя хрупкой, нежной и неспособной к самозащите. Но это не так, потому что запас жизненной энергии в тебе неистощим. Характер: характер неплохой, доброжелательный, часто пытаешься примирить непримиримое и, если случается гасить чужие конфликты, можешь добровольно вызвать на себя гнев и раздражение. В людях – часто ошибаешься. Это приводит к разочарованию, и нередко. Но быстро утешаешься, потому что быстро находишь новую компанию, а еще потому, что ты не завистлива, обладаешь хорошим и легким нравом.

Часто-часто захлопав глазами, Вероника отодвинула от себя блюдечко с тортом.

– Что еще… Недавно вышла замуж. Муж – приятный молодой человек «из благородных», не бедный, ответственный, чувствуешь ты себя за ним как за каменной стеной, вот только ревнив очень, и из-за этого часто ссоритесь… Но и миритесь потом очень быстро, нежно и романтично, часто – в постели…

Вероника покраснела, разом отхлебнула от бокала с коньяком и закашлялась, прижимая к губам салфетку. Ада продолжала, будто не заметила:

– Брак у вас удачный, не в последнюю очередь потому, что оба вы генерируете совместные оригинальные идеи. Вы с мужем любите путешествовать, обожаете веселые компании, друзей…

Все это настолько соответствовало действительности, что Веронике опять становилось не по себе. Ну и встреча!

– Скоро, а точнее, завтра, у твоего мужа день рождения. Канделябр, который ты только что выбрала, – это подарок ему. Праздновать будете вечером, вдвоем, и на это время тобой заготовлено для него немало сюрпризов… Ну, как? – вдруг спросила она. – Сойду я за твою старую знакомую?

– Да… – прошептала Вероника. И тут же выдавила из себя, как в кинофильме про доктора Ватсона: – Но – как?

Ада смотрела на нее все с той же, уже знакомой, насмешинкой в кошачьих глазах. Что, впрочем, не мешало ей курить и выпускать изо рта колечки дыма: словно выписанная завитушками арабской вязи туманная фраза плыла над их столиком, вращаясь, извиваясь и постепенно растворяясь в прозрачном воздухе.

– Все просто, девочка. Нет ничего невозможного для человека с интеллектом. И особенно – если дать себе труд проанализировать то, что видишь перед собой. А я вижу милую девочку, одетую так, как это свойственно Водолеям. Синее платье, белые туфли, сережки с аметистом – все из холодной палитры зимнего пейзажа. Выглядишь ты ослепительно и дорого, хотя ткань на платье у тебя самая простая, а драгоценностей никаких нет – это тоже свойство женщин-Водолеев. Наконец, коньяк заказала сразу две порции и по «сто пятьдесят» – явно для того, чтобы меня «уесть», а это тоже указывает на Водолея – ведь его так легко взять на «слабо»! Ну и соответственно, как и любому Водолею, тебе присущи определенные черты характера. Некоторые из них я перечислила.

– А то, что я недавно замужем? И что у Павки завтра день рождения? Этого не узнаешь ни в каких гороскопах! – снова обиженно, как ребенок, разоблачивший обман, воскликнула Вероника.

– Во-первых, до сих пор я говорила не о гороскопах, а о зодиакальной характеристике личности. Это вещи принципиально разные. Во-вторых, о том, что ты почти что новобрачная, может сказать любой внимательный человек: у тебя на пальце новенькое обручальное кольцо, которое ты то поглаживаешь, то покручиваешь – словом, еще не привыкла его носить. В-тре-

тьих, канделябр, который ты выбрала в лавке у Натана, трудно представить стоящим на твоем туалетном столике, такая вещь подходит скорее мужчине – значит, выбирала подарок. Просто другу-товарищу сделать такой подарок было бы тебе не по средствам – ведь я видела, что ты выложила почти все, что у тебя было. В-четвертых, ты выглядишь счастливой в браке и выбирала подарок с видимым удовольствием, а это значит, что канделябр скорее всего предназначается именно мужу, причем мужу любимому. Ведь Водолей всегда предпочитает делать оригинальные и неожиданные подарки. В-пятых, ты попросила Натана доставить канделябр завтра и до шести вечера – значит, празднование ожидается завтра после шести, и, зная склонность Водолеев к сюрпризам и мистификациям, можно ожидать, что простым вручением канделябра ты не ограничишься.

– А то, что он… Павка… что он ревнивый, как я не знаю кто, и еще вот, про каменную стену – это вы откуда узнали? Из логики или из Зодиаков?

– И то и другое, – пожала усыпанными веснушками плечами рыжая Ада. – Если день рождения у него завтра, значит, он – Лев. Ну а уж какой характер у Львов, я знаю, может быть, получше тебя.

– Почему это?

– Потому что я сама – Львица. И кстати сказать, тоже на днях праздную свой день рождения.

Она улыбнулась, отбросив за спину сноп непокорных волос – действительно очень похожих на львиную гриву! – и протянула через стол руку с огромным старинным – теперь уже было хорошо видно, что он старинный, – перстнем. Пронизанный солнечными лучами, камень переливался теперь всеми оттенками багрового цвета. «Как будто кровью наливается», – мелькнуло в голове у Вероники.

– Волшебно, правда? – спросила Ада, любуясь кольцом. Слегка потерла камень о скатерть, снова вытянула руку, перекатывая на поверхности камня пойманный в него солнечный луч. – Это гранат. Очень старинный, ему триста лет. Говорят, этот камень порождает в человеке неуемную страсть и желание – кто знает, не навредит ли он когда-нибудь мне самой? В древности существовало поверье, что, если гранат начинает ярко блестеть, будто наливаясь кровью, то скоро грянут страшные и серьезные события.

– Вы не потому ли его приобрели, чтобы в них поучаствовать?

– Я просто сделала себе подарок. Гранат – талисман Львов, а я питаю маленькую, хотя и простительную для женщины слабость к талисманам. К тому же такой гранат, как этот, является источником огромной энергии и вполне может напитать своего владельца силой и внутренним огнем.

– А не страшно? Носить на себе такую штуку? – спросила Вероника. Теперь она не захотела бы прикоснуться к этому перстню ни за какие блага мира.

– Ну что ты, девочка. Это же легенда. Где в ней правда, где ложь, где намек – кто их теперь разберет. А я предпочитаю оставаться реалисткой.

– Несмотря на то что верите в силу Зодиаков?

– Ты все-таки глупая девочка. Не «несмотря на это», а именно потому.

* * *

Это странно, но к тому времени, когда Вероника пришла домой, впечатление от встречи с леди Зодиак (так, неизвестно почему, она окрестила про себя прекрасную… хотя, пожалуй, правильнее было бы сказать – загадочную незнакомку) уже почти совсем выветрилось из ее головы.

Да полно, а была ли она, эта встреча? Когда они вышли из кафе и простились, Ада исчезла так неожиданно и быстро (то ли смешавшись с толпой, то ли растворившись в воздухе), что Вероника пару минут стояла в растерянности, хлопая глазами и озираясь по сторонам.

Ее толкали в спину, обходили, кто-то особенно нетерпеливый ругнулся и предложил пойти «в зоопарк и там глазеть, скок хочешь». А Вероника продолжала стоять, не оставляя надежды разглядеть, как там, в толпе, хотя бы на секунду вынырнет и покажется поверх других голов огненная шевелюра, так напоминающая шикарную львиную гриву.

Не дождалась.

Потом, пока она шла к метро и спускалась по медленно тянущейся чешуе эскалатора, образ рыжей Ады еще стоял у нее перед глазами.

Но через полчаса, когда Вероника вышла у «Речного вокзала» и глубоко, полной грудью вздохнула очистившийся после дождя звонкий московский воздух, никакие мысли ее уже не тревожили. Словно какой-то добрый старик с бородой гнома подошел да и вынул из ее головы все раздумья о женщине, произносящей такие странные слова и такой не похожей на нее саму.

Тем более что и думать-то особенно было некогда: время близилось к шести часам, и у Вероники оставалось буквально несколько минут для того, чтобы рысью пробежаться по окрестным магазинам и купить чего-нибудь на ужин. Павка придет с работы часа через два, а за полгода их брака она еще ни разу не допускала того, чтобы любимый мужчина, вымыв руки и переодевшись, щелкал на кухне зубами!

Тележка в ближайшем супермаркете была быстро нагружена пакетиками, баночками, овощами, бутылками с минеральной водой и хлебом. Радуясь, что ей повезло и почти не пришлось томиться в очереди у кассы, Вероника, улыбаясь, протянула кассирше свою последнюю тысячную купюру.

– Лотерейку возьмете? – спросила та равнодушно.

– Нет, спасибо.

– Да возьмите! У меня все равно сдачи нет. В пользу амурских тигров лотерея.

Вероника всегда терялась, когда ей «всучивали», как говорил Павка, заранее ненужную вещь. В таких случаях именно муж всегда приходил ей на помощь: он делал большие глаза и спрашивал у того, кто навязывал им очередную бесполезную лотерею:

– А это точно, что я, как вы говорите, могу выиграть сто тысяч рублей?

– Разумеется! – оживлялся продавец, и в плутоватых глазах мелькала надежда.

– А когда состоится тираж? – задумчиво тянул Павка.

– В следующую среду.

– Нет! – муж извиняющеся разводил руками, всем своим видом показывая, как он огорчен и даже лишен душевного равновесия от такой неудачи. – Никак не подходит! Я не могу ждать до следующей среды: деньги мне нужны к этой субботе!

И отходил от прилавка, сокрушенно покачивая головой.

Уходить от навязчивого сервиса с таким же артистизмом Веронике мешала нерешительность – это качество вообще нередко портило ей существование. Вот и сейчас, видя, что она колеблется, кассирша подмигнула Веронике и доверительно сказала ей, наклонившись поближе настолько, насколько это позволяла стоящая перед ними корзина с продуктами:

– Берите билетик, девушка, не сомневайтесь! Я здесь всего четвертый месяц работаю, а уже шесть человек облагодетельствовала! Два человека – по миллиону рублей выиграли, остальным больше повезло: квартиры, машины – ну как с неба им упали! Вот буквально перед вами приходила одна бабушка, тоже авто выиграла, получила деньги – и на сберкнижку их, а сама…

Тут фантазия кассирши дала осечку. Она пожевала губами, пристально глянула Веронике в глаза, соображая, что бы еще такое соврать поубедительнее, и ляпнула, наверное, первое, что пришло ей в голову:

– …а сама теперь собирает пустые бутылки и уже на эти деньги покупает новые лотерейные билеты!

Человек, стоящий сзади Вероники и дожидающийся своей очереди платить, откровенно фыркнул. Покраснев так, как будто ирония покупателя относилась лично к ней, девушка поспешным, суетливым жестом приняла из руки кассирши желто-синий картонный прямоугольник и, ни на кого не глядя, покатила свою тележку к выходу.

«Ну и пусть! – подумала она, уговаривая себя не расстраиваться из-за такой пустячной траты. – Амурские тигры – премилые существа, почему бы и не поддержать их раз в жизни!»

У стеклянных дверей Вероника подхватила груженные продуктами пакеты.

– Вам помочь? – высунулся какой-то лысый франт.

– Помогите лучше амурским тиграм, – буркнула она, не глядя.

* * *

И был вечер. И Павка, вернувшись с работы (он возглавлял службу безопасности известного в Москве банка, и Вероника всегда немного терялась, когда, открывая мужу дверь, видела на пороге не смешливого, ловкого, всегда чуть ироничного молодого человека с пышной челкой, падающей ему на глаза, а серьезного мужчину в строгом костюме, пиджак которого чуть топорщился под мышкой из-за надетой под ним кобуры), привычно склонился над Вероникой и, как всегда, поцеловав ее, сразу взъерошил ей волосы, с шутливой тщательностью растрепав всю прическу.

– Ну Павка! – традиционно воскликнула она, традиционно отстраняясь и выставив перед собой обе ладони. – Ну совсем, совсем взлохматил!

– Прическа на женщине – это только вершина айсберга, – традиционно ответил он, изловчившись небольно щелкнуть Веронику по носу. – А я хочу добраться до самой твоей сердцевины!

– Да ну тебя! Я столько времени у зеркала простояла!

– А у плиты у тебя нашлось время постоять? – крикнул он ей уже из ванной.

– Представь себе – да! У тебя идеальная жена! Ты просто меня не ценишь! – весело пропела она, колдуя над конфорками.

– Один мой знакомый говорит, что идеальная жена – это красивая глухонемая блондинка-нимфоманка, у которой из родителей остался только отец-банкир, – отозвался он и вышел в кухню, вытирая руки о полотенце. – Вот уж упаси бог, чтобы ты однажды превратилась в такую!

– Да? А я думала, все мужчины считают, что идеальная жена – это та, кто ежедневно стоит у плиты в нижнем белье, босая и беременная, с тазиком для стирки на шее, с веником в одной руке и шваброй в другой, а в зубах держит утюг, извиваясь при этом в эротическом танце! – парировала она.

Он захохотал, и Вероника тоже отвернулась к плите, пряча улыбку. Оба они любили вот эти минуты, такие вот шутливые стычки двух проголодавшихся людей, что происходили на их кухне после того, как Павка возвращался с работы.

Запахи, которые сочились при этом из сковородок и кастрюль, придавали пикировке особенную остроту. Вероника никогда не ужинала, не дождавшись Павкиного прихода.

А ведь до того, как стать замужней женщиной, она не особенно любила готовить. Если и случалось когда постоять у плиты, то лишь «по вдохновению», которое возникало так же спонтанно, как и иссякало. К тому же, задумывая приготовить то или иное блюдо, Вероника и сама не знала, что из этого может получиться в итоге – в процессе приготовления все часто непредсказуемо менялось в силу непредсказуемости самой Вероники.

К примеру, решив испечь блинчики, «на выходе» она нередко получала пирожки с какой-нибудь совсем несочетаемой начинкой. Но что особенно странно – блюда, выходившие из ее рук, чаще всего получали превосходную оценку!

– Ты родилась под счастливой звездой, дочка, – с удивлением говорила мама, опробовав какую-нибудь изобретенную Вероникой «кулебяку на пиве со взбитыми сливками и помидорной начинкой».

При этом воспоминании в мыслях возникло что-то еще – какая-то смутная тень женщины с рыжими волосами, – но эти минуты принадлежали только им двоим, ей и Павке, и поэтому Вероника сердитым движением подбородка отогнала от себя все, что мешало ей заниматься любимым делом – кормить оголодавшего, уставшего мужа.

– Помыл руки? Садись. И не хватайся сразу за хлеб, – шлепнула она по руке, потянувшейся к горбушке. – Семейные ужины должны быть уютны и размеренны. Видишь, я тебе уже наливаю.

Поварешка зачерпнула со дна кастрюли огненную гущу борща с затейливо нарезанной морковкой и золотистыми кружочками жира. Наполнив тарелку, Вероника шлепнула следом добрый кусок развалистого, пахучего мяса и щедро усыпала все это мелко рубленной зеленью. Получилось так красиво и вкусно, что она сама залюбовалась. Права, ах, права была мама, когда говорила, что супы – это чисто семейное блюдо. Одинокая женщина никогда не будет варить для себя борщ.

И сейчас, глядя, как ноздри Павки трепещут, вдыхая поднимающийся от тарелки парок, она чувствовала, что день прожит не зря. Есть в этом какое-то особое, ни с чем не сравнимое удовольствие: видеть сидящего напротив и с аппетитом жующего мужчину. Ложка его погрузилась в свекольные глубины борща, желваки на скулах заходили, и она вдруг с трудом подавила в себе острое желание подойти и погладить мужа по голове, как малого ребенка.

– Вкусно?

– Сногсшибательно! Если бы я знал, что меня ждет такой борщ, то вернулся бы сегодня пораньше. – Тарелка опустела всего за какую-то минуту, и он протянул ее за добавкой.

– И ты знаешь, я понял! Идеальная жена – эта женщина, способная вызывать… сердцебиение… желудка! – заметил он.

И Вероника окончательно растаяла в его синих-синих, как море, и таких же глубоких глазах.

Вечер прошел как обычно – в полумраке мерцающего телевизора. Они сидели в обнимку на купленном специально для таких вечеров круглом пушистом ковре с разбросанными поверх турецкими подушечками и смотрели какой-то не слишком умный фильм.

Им было так хорошо, что оба почти не разговаривали. Вероника только спросила:

– Завтра – ты постараешься прийти с работы пораньше?

– Буду очень стараться, – пообещал он. – Но ребятам все равно надо будет проставиться. Да и девчонки из соседнего кредитного отдела заскочить грозились, даже с подарками. Наверное, опять натащат мне всяких кошечек да вазочек! Ты знаешь, – заметил он, зарываясь лицом в ее волосы, – я заметил: только в свой день рождения узнаешь, как много на свете глупых и бесполезных вещей!

– М-ммм, – неопределенно промурлыкала Вероника, щурясь на телевизор.

Уж ее-то подарок Павка не назовет ни глупым, ни бесполезным. Настоящий, древний канделябр в виде головы дракона! Даже трех голов! Подарок с историей! Завтра же он будет стоять вот здесь, на журнальном столике, и тени от язычков зажженных свечей будут плясать на их лицах.

Чуть-чуть романтики – вот чего не хватало в их доме.

* * *

А на следующий день она рыдала, забившись в угол дивана, захлебываясь слезами и пряча в ладонях мокрое лицо. Ручейки соленой влаги просачивались меж пальцев, стекали по рукам, падали на безнадежно испорченное, смятое платье.

– Ника, Ника, ну ты что? Что ты? – испуганно спрашивал Павка и гладил ее по встрепанным на этот раз безо всякого его участия волосам. – Что ты? Обидели, да? Я тебя обидел? Ну скажи, что я сделал? Поздно пришел? Да? Ты ждала меня раньше? Но я же звонил… Я предупредил…

Ах, да разве в этом было дело! На минуту подняв голову от ладоней, она увидела его расстроенное лицо со спутанной, упавшей на лоб челкой, разбросанные по полу открытки, цветы, сувениры – они выпали из его рук, как только Павка вошел в комнату и увидел плачущую жену, – и заскулила, словно брошенный щенок, и отвернулась к спинке дивана, и зашлась в новой волне плача.

– Да что с тобой, наконец?! – Он с силой развернул Веронику к себе. – Хватит, Ника, все! Немедленно рассказывай мне, что тут произошло! Слышишь?

– Его нету-у… Его не доставили-и… Я не могу тебя поздра-ви-ить… – запинаясь, выдавила она из себя в конце концов. И новый фонтан слез заглушил эти отчаянные слова.

– Кого?

– Дракона…

– Какого еще дракона?

– Бронзово-ого… К-который канделябр… Я купила… В под… в пода-а-арок… А его не доста-аавили-ии…

Было так обидно, что внутри все сжималось, будто кто-то взял ее за горло холодной, костлявой рукой. Вздрагивая от плача, она снова подняла на мужа глаза с треугольничками слипшихся ресничек. Даже сейчас, с распухшим от слез носом и плаксиво растянутым ртом, Вероника оставалась удивительно хорошенькой. Но в глазах мужа, который подумал как раз об этом, она почему-то разглядела не тайное любование, а сухой упрек.

– Па-авка… Прости-и… я… я… я…

– «Я… я… я…» – слегка передразнил он, силой удерживая Веронику от новой попытки спрятать лицо в ладонях. Свободной рукой полез в боковой карман, вынул носовой платок – даже сложенный вчетверо он был довольно внушительных размеров. – Давай сюда свое «Я». Ну? А теперь сморкайся! Во-от. И глазки вытрем. И щечки оботрем. И на ножки встанем – опа! – и пойдем-ка умываться холодной водой, чтобы не портить мужу настроение: в такой день.

– Павка, я… Честное слово…

– Рева ты корова, а не «честное слово»! Я ж чуть не чокнулся – думал, случилось что. А ты из-за какой-то ерунды… Кто же так встречает любимого мужа, да еще в день рождения, вот скажи, а?

– Да я как раз… я…

– Что ты? Пирог пекла?

– Пекла.

– С яблоками?

– Да. И с курагой.

– Ну вот! Это ж самое главное!

Он щелкнул Веронику по красному носу, засмеялся и погнал умываться, небольно хлопнув пониже спины.

Десять минут спустя они сидели за празднично накрытым столом и улыбались, глядя друг другу в глаза. Хорошее настроение возвращалось.

Хотя Вероника, изредка бросая взгляд на свечи, которые Павка закрепил на простых блюдцах, предварительно капнув на них воском, чувствовала такую боль, будто ее ранили в самое сердце.

* * *

Никто не доставил ей канделябр и на следующий день.

«Дура! Дура! Надо было хотя бы взять его телефон!» – думала она, в десятый, если не в сотый раз выглядывая в выходившее во двор кухонное окно. Там сновали голодные кошки, летал футбольный мяч, у подъезда дежурил «придворный суд» из разомлевших на августовском солнце сплетниц – но Блюхера не было.

И в дверь никто не звонил.

Прождав до обеда, она стала торопливо одеваться.

«Сейчас приеду к нему и стукну кулаком по столу! – строила проекты Вероника, не очень, впрочем, представляя себе, как именно она на это решится. – Это просто наглость – деньги взять, а вещь не принести! Так все испортить!»

Она вспомнила, как вчера снова чуть не разревелась, рассказывая Павке о том, как потратила почти все отложенные на хозяйство деньги на покупку дорогого подарка – а этого подарка ему так и не доставили! А какой роскошный канделябр – они же могли ужинать при его свете, это было бы так романтично, так необычно, так ново! И у них в доме появилась бы настоящая антикварная вещь! Она уже даже придумала, где его поставить, и, отодвинув свою тарелку, нарисовала Павке на салфетке: вот тут, в спальне, между комодом и ее туалетным столиком, где сейчас стоит дурацкая, подаренная тетушкой на свадьбу хрустальная ваза!

«Вот гадство!»

К счастью, муж вчера, кажется, не сильно расстроился. Сказал, что скорее всего произошла какая-то ошибка («Обещал доставить «Экспресс-почтой»? Милая моя, но ведь это же экспресс-почта РОССИИ!»), оставил на комоде деньги и утром ушел на работу как ни в чем не бывало. Но сейчас Вероника считала просто делом чести пойти к этому обманщику Блюхеру и высказать все, что она думает о хозяевах антикварных салонов, которые дают честное слово привезти заказ по указанному адресу, а потом не считают нужным даже позвонить! Ведь она-то оставляла свой телефон на бланке!

«Старый дурак!»

К метро она не шла – бежала, словно опаздывала на важное свидание. И, стоя в вагоне грохотавшей электрички, в нетерпении пристукивала каблучками. И из «Арбатской» выбежала, едва не сшибив кого-то на ходу, и по самому Арбату неслась со скоростью, вовсе не подходящей для этой улицы, больше похожей на музей под открытым небом.

И только на подходе к скрытой между двумя старинными особнячками антикварной лавке Натаниэля Блюхера стала притормаживать.

Бог знает, что ее удивило.

Но что-то не так.

Хотя особенных причин для тревоги не было: все то же маленькое, приземистое крылечко с крепкой, кованой, отделанной под старину дверью и низенькие окошечки-витрины с выставленными в них не самыми ценными, но наиболее живописно потертыми вещами.

Вот медный чайник с диковинно изогнутым, больше похожим на индюшачий клюв, носом; вот старинный чугунный утюг, распахнувший зубчатый рот, в который когда-то засыпали уголь. И якорь на цепи, и чернильный прибор в виде собора Василия Блаженного, и россыпь старинных русских монет на шелковом платке с кистями – все было на месте.

Но вот… Ах да! Понятно! Вот такого мельтешения людей и даже – о боже! – собак, по крайней мере одной собаки, настоящей кавказской овчарки, остроухая голова которой нечетким контуром прорисовалась в оконном стекле, – вот этого всего раньше здесь не было! Позавчера, когда Вероника вошла сюда и стала разглядывать витрины, в лавке вообще не было ни одного человека – если не считать охранника, который скорее был похож на сонную муху! Более того, лавочка Блюхера выглядела настолько одинокой и забытой, что именно это и заставило ее потянуть на себя кованую дверь – «как в сказке», подумалось тогда невольно!

А сейчас?

Даже не заходя внутрь, она наблюдала сквозь те самые окна какое-то странное, суетливое движение. Сразу несколько человек ходили там, но не просто ходили, а – такое было впечатление – занимались каким-то общим и не слишком веселым делом.

Странно!

Тряхнув головой, Вероника решительно направилась к крылечку. Да пусть там к этому проклятому Блюхеру на этот раз хоть с самого Голливуда делегация понаехала – ей-то какое дело! Пусть отдает ее канделябр и катится к чертовой матери!

Как и в прошлый раз, колокольчик тренькнул, пропустив ее в полумрак подвала. Но, в отличие от прошлого раза, когда на нее никто не обратил особого внимания, сейчас к ней кинулись сразу двое.

– Стоп! Вы кто? Откуда? Вам что нужно?

– А вы откуда? – резко, сама того не ожидая, ответила Вероника.

Но еще прежде чем один из них, среднего роста седой мужчина того неопределенного возраста, который принято называть «средним», вынул из внутреннего кармана служебное удостоверение, ей стало понятно: они – *оттуда*.

Было в поведении, выправке, властной манере держаться и четких, лишенных суетливости движениях этих людей что-то такое, что сразу выдавало представителей суровой профессии.

Так и оказалось.

– Я – следователь прокуратуры Алексей Бугаец, а это, – седовласый кивнул на стоящего рядом молодого человека в джинсах и щегольски-белой майке, – оперативный сотрудник отдела по расследованию убийств Евгений Ильясов. Вас устраивает ответ?

– Да… – пролопотала Вероника, глядя на седого следователя ничего не понимающими, но непроизвольно расширенными от страха глазами.

– Тогда настала ваша очередь отвечать. Итак, я повторяю: кто вы, откуда и зачем сюда пришли?

– Я… я клиентка, то есть не клиентка, а покупатель… то есть не покупатель, а уже купившая… то есть…

– То есть купившая и опять пришедшая? – не без иронии спросил тот, в белой майке.

– Да! То есть… – Она окончательно смешалась и замолчала.

Эти двое не торопили, хотя уже одно то, что они продолжали стоять рядом, плечом к плечу, и пристально ее разглядывать, лишало Веронику душевного равновесия.

Непроизвольно, подчиняясь внутреннему желанию выйти из-под линии их взглядов, она сделала шаг вперед и в сторону. Ильясов и Бугаец синхронно шагнули ей навстречу, загораживая проход, но Вероника успела разглядеть, что там, впереди, на каменных плитах пола мелом очерчен контур лежащего навзничь человека!

Девушка вскинула ладонь ко рту и укусила кулак, чтобы сдержать крик. Она знала, что означает такой вот меловой абрис на полу: смерть! Самого трупа не было – наверное, уже успели увезти, – но очертания этой мифической фигуры, этого человека-невидимки, чья жизнь оборвалась здесь, у прилавка, возле «шкафа с сокровищами», которые она сама позавчера только разглядывала с таким интересом, – все это пугало Веронику до судорог, до дрожи.

– Что здесь произошло? – прошептала она.

– Убийство, – последовал короткий ответ.

– Как? А кого?..

– Хозяина магазина. Ударом по голове. Тяжелым тупым предметом.

Перед глазами на миг мелькнуло сморщенное в улыбке лицо антиквара, с ловкостью фокусника снимающего, подбрасывающего и ловящего на весу очки. «Обратите внимание – какая экспрессия, какая чудесная лепка! Да, литейщики времен Петра Первого знали свое дело!» – услышала она его живой, ласковый голос. Убили? Как убили? Но за что?!

– Алексей Федорыч! Мы пойдем, – подошел к ним кинолог – единственный из всех присутствующих одетый в полную милицейскую форму. Кавказская овчарка, которую он крепко держал на поводке, тяжело дышала, высунув малиновый язык, и смотрела упрекающе. – Зря вызывали. Тут народу до нас уже побывало – целый Китай! Да и времени прошло не меньше суток. Только Барса напрасно потревожили, а ведь он у меня сегодня после ночной смены.

– Ладно, идите, – разрешил Бугаец и, наклонившись, слегка потрепал собаку по палевой спине. – Не сердись, дружище, ничего не поделаешь – такая у нас с тобой работа: собачья.

Вслед за кинологом Барс прошествовал к выходу, напоследок обдав ноги Вероники горячим дыханием. Она нервно переступила.

– Скажите, а за что его… Ну, хозяина… тяжелым тупым предметом? А?

– Не хотелось бы уподобляться герою из советского кинофильма, но вопросы здесь все-таки задаю я, – ответил Бугаец, впрочем, довольно добродушно. – Давайте пройдем в подсобное помещение, чтобы не мешать работать экспертам. Не беспокойтесь, ничего страшного, всего несколько уточняющих деталей. Помогать следствию – прямая обязанность каждого гражданина. Я надеюсь, у вас нет возражений против этой доктрины?

– Нет.

– Ну и прекрасно.

Они вошли в подсобку, но допрашивать Веронику стали не сразу. Бугаец, оставив ее одну в тесной комнатке, вышел за дверь, чтобы выслушать отчет третьего следователя – как видно, тоже милиционера и самого младшего по званию.

Они говорили у самой двери – скорее всего потому, что в зале еще работали эксперты и следователи просто не могли отойти куда-нибудь подальше. Вероника мгновенно сообразила, что судьба дает ей шанс. Быстро-быстро, тихо-тихо она добежала на цыпочках до двери и прижалась ухом к щели.

Мужчины разговаривали негромко, но слух у Вероники был хороший, музыкальный, а в подвале стояла почти идеальная тишина. И она с замиранием сердца слушала доносившийся до нее доклад сутулого, часто шмыгающего носом человека, который таким будничным тоном произносил такие страшные вещи.

* * *

Натаниэля Блюхера, антиквара, холостого одинокого мужчину семидесяти лет, проживающего в отдельной квартире на Остоженке, убили ударом по голове тяжелым тупым предметом около суток назад, а точнее, вчера, в половине пятого вечера. Настоящее время установили по часам убитого – обороняясь, Натан прикрыл голову рукой, и первый удар пришелся как раз по запястью, размозжив убитому сустав кисти и разбив наручные часы.

Убийце понадобилось еще несколько минут, чтобы жертва потеряла способность к сопротивлению. Как было установлено экспертами, Блюхеру нанесли не менее пяти-шести ударов по голове. Уже с проломленным черепом и перебитой рукой он пытался уползти в подсобку, скрыться – наверное, чисто инстинктивно, потому что убийце ничего не стоило добить его, уже смертельно раненного, еще один, последний раз обрушив на голову «тяжелый тупой предмет».

Картина этого страшного в своей жестокости преступления была восстановлена главным образом по следам на полу – убийца сильно испачкался в густой, склизкой крови, которая широкой алой лентой тянулась за уползавшим Блюхером. Изучив эти следы, эксперты сделали вывод о том, что нападавший был человеком высокого роста, но носившим небольшой (не больше сорокового) размер обуви. В пальцах и под ногтями убитого не обнаружили ничего, что могло бы впоследствии послужить уликой – ни кусочков кожи, ни волоска, ни крови нападавшего. Из чего следует вывод о том, что Натаниэль Блюхер только защищался, не пытаясь перейти в нападение.

Убедившись в том, что жертва мертва, убийца вышел из подвальчика, просто прикрыв за собою дверь и выключив свет. Из-за того, что кинологов вызвали уже после того, как прибыла и наследила опергруппа, собака след не взяла. Замок на двери взломан не был, сигнализация отключена. А самое главное – примерно в шестнадцать часов, то есть за полчаса до убийства, Натаниэль Блюхер отпустил охранника.

Вот так просто взял и отпустил. «До завтра, дорогой мой, сегодня вы мне уже не понадобитесь». Правда, за минуту до этого он позвонил в курьерскую фирму по доставке и отменил вызов курьера. «Планы на день у меня изменились, я доставлю товар покупателю сам», – сказал он в телефонную трубку. По крайней мере так утверждает сам охранник. Именно он обнаружил труп, когда к десяти утра, как и положено, пришел на работу и обнаружил, что дверь не заперта.

– А кто этот охранник? Его самого-то проверили? – озабоченно спросил Алексей Бугаец.

– Обижаете, Алексей Федорыч! Конечно, в первую очередь. Алиби железное: с шестнадцати часов пятнадцати минут и до двенадцати ночи он просидел в зале с игровыми автоматами. Работники зала его хорошо знают, они подтвердили. Сказали, что никуда, кроме туалета, не отлучался. Мы, конечно, еще проверим по камерам видеонаблюдения, но я думаю, чист.

– Все равно – вы его допросили? Он же не один день здесь проработал. Должен все знать… Что-нибудь пропало? Ценности, вещи? Здесь же, наверное, для грабителя просто золотое дно! Одежду или портфель самого убитого, наконец? Их осмотрели?

– Обижаете! – уже не буднично, а запальчиво повторил милиционер и шмыгнул носом от обиды. – Все осмотрели, и карманы вывернули, и по каждому шовчику металлоискателем прошлись. Там вещей-то – пиджак да борсетка с документами, даже ключей от машины нет, покойничек-то на метро разъезжал, несмотря на все свое богатство… А насчет пропажи, – тут младший лейтенант оживился, блеснул глазками, – так охранник говорит, что только одна вещь всего и исчезла. Причем не так уж… чтобы шибко ценная. Так, бронза, семнадцатый век. Красная цена – полторы тысячи долларов в базарный день.

– Ты что, Кадушкин, наследство из Америки получил по линии профсоюзов? – хмуро осведомился Бугаец. – Полторы тысячи долларов для тебя уже не деньги?

– Так это ведь как посмотреть, Алексей Федорыч! У убитого тут ценностей было, ну я не знаю, миллионов на сто, наверное! Одних драгоценностей с камнями целый ларчик, а стоят они, наверное, столько, что и Алмазный фонд не потянет – музейная ценность! Да и другие редкости были. Картины… даже рукописи! Собственноручное письмо Кутузова! Собственноручное! – Последнее обстоятельство Кадушкина, видимо, особенно потрясло. – А убийца свистнул какой-то подсвечник, представляете?! На фиг он ему сдался – ума не приложу! Орехи, что ли, колоть? Обыкновенный канделябр, на Урале сделали – ящерица какая-то, что ли… Или нет! – Он быстро зашелестел блокнотом. – Не ящерица – голова дракона! То есть три, сразу три головы! И знаете что? Похоже, что именно этим предметом антиквара и прихлопнули!

«Как? – ударило в мозгу у Вероники. – Как?!»

С замиранием сердца она еще плотнее прижалась ухом к щели. Даже дышать перестала.

– Да, канделябром! – доносилось из-за двери. – «Тупой тяжелый предмет», о котором эксперты в протоколе указали, – это скорее всего он и был! – захлебываясь от возбуждения,

повторил Кадушкин. – Бронзовый канделябр «Дракон», семнадцатый век! На вес – примерно три с половиной килограмма. Еще бы – бронза! Так что шансов у убитого совсем не оставалось. У нас в подворотне и пустой бутылкой из-под шампанского убить могут, а тут – три с половиной килограмма! Прихлопнули, как таракана, только треск, поди, стоял, когда череп крошился!

Жуткая картина в мгновение ока предстала в воображении Вероники, и она ойкнула, пошатнулась, ухватилась за ручку двери. Та скрипнула.

Тут оба следователя оглянулись на скрип, и седовласый, спохватившись, вошел в подсобку. На ходу Бугаец махнул рукой шагнувшему было вслед за ним подчиненному:

– Ладно, ты иди, Кадушкин, ты что-то совсем распоясался. Меня, кстати сказать, и дама ждет. Видишь? – он кивнул на Веронику, которая при их появлении отскочила от двери к противоположной стене и стояла там, приложив руку к сердцу. – Наша свидетельница девушка нежная, и ты ужасов своих при ней не рассказывай.

Последнее он произнес со скрытой иронией.

Кадушкин оглядел Веронику, похлопал ресницами и несколько раз дернул носом:

– Так это… я думал – она из наших… Судмедэксперт из морга, или практикантку какую прислали:

– Иди.

– Наши-то женщины – крепкие будут… Ни тебе обмороков, ничего… – оглядывался на нее Кадушкин, направляясь к выходу. И добавил как бы про себя: – Ходят барыньки на место преступления, как в театр, а потом истерики… Истерика – это женский способ развлечься…

Бугаец проводил его взглядом. Когда дверка подсобки охнула, закрываясь (Кадушкин с силой прихлопнул ее за собой – ровно настолько, чтобы, не вызывая гнева у начальства, выказать свое недовольство), следователь перевел глаза на Веронику:

– Ну-с, милая барышня, теперь ваша очередь. Кто такая, зачем пришли, какие отношения поддерживаете с хозяином – попрошу обо всем по порядку, ничего не путая и ничего не упуская.

– Я…

Сначала все шло плохо, она то и дело сбивалась, путалась, начинала рассказывать снова – и, натыкаясь на жесткий и недоверчивый взгляд, снова комкала рассказ и умолкала, залившись краской до самых ушей. Но постепенно все пошло лучше, и через час-полтора следователю прокуратуры Алексею Бугайцу была известна история покупки канделябра во всех подробностях. Он даже не стал мучить Веронику дополнительными вопросами. Задал только один:

– А вот эта самая дама загадочного образа – как, вы сказали, ее зовут, Ада? – она вам своего адреса-телефона не оставила?

– Нет. – Вспомнив о том, что Рыжеволосая и в самом деле не дала своего телефона, а сама она спросить не догадалась, Вероника отчего-то расстроилась. – Мы только попрощались, и… и все. Да! Она еще сказала, что мы скоро увидимся. Зачем и почему – не знаю. Но она так уверенно это сказала!

– Хм. Интересно-интересно… Хорошо, Вероника Витальевна, вы свободны. На днях я позвоню вам и приглашу зайти в прокуратуру, подписать показания. А пока…

Бугаец поднял руку, чтобы указать ей на дверь, но эта дверь вдруг распахнулась сама собой.

– Алексей Федорыч! Там еще какая-то дама явилась. Уверенная такая, как королева. Понабежали барыньки на огонек! Что им тут сегодня, шелковые чулки бесплатно раздавать обещали, что ли? – обиженно выкрикнул Кадушкин и скрылся.

– Это Ада! – крикнула Вероника, бросаясь к выходу.

* * *

Да, это была она. Высокая (выше всех, кто находился в подвальчике), Ада стояла в самом центре комнаты, то есть в метре от мелового контура на полу, и рассматривала его так, будто перед нею лежал не очерченный силуэт, а настоящий человек – или то, что от него осталось.

Странно! Веронике на секунду померещилось, что и она видит скрюченное на полу тельце Блюхера с окровавленной головой и раздробленной рукой. И даже стеклышко разбитых очков как будто блеснуло из-под его локтя…

Она моргнула раз, другой, провела рукою по лбу – видение исчезло. Подвальчик, тускловатый свет светильников, люди вокруг, белая черта на полу и общий ужас от происшедшего остались, а сам Блюхер – исчез…

– Когда это случилось? – спросила Ада, повернувшись к седовласому и откинув за спину волны рыжих волос, струящихся по обе стороны узкого лица. Тон ее был спокойным, но не содержал ни малейшего сомнения в том, что ответ будет получен.

И ей действительно ответили – ей персонально:

– Вчера. В шестнадцать тридцать две. Ударили по голове тяжелым тупым предметом.

Ада кивнула. Она была очень расстроена, но не удивилась. В подвале вдруг стало сразу как-то темнее – ненамного, но будто давешняя грозовая туча наползла на лица всех присутствующих. И они услышали приглушенный Адин голос – она сказала как будто про себя, негромко и непонятно:

– Четвертый градус Рака – «Напившийся весельчак в маскарадном костюме спит на столе; его бокал с красным вином опрокинут – содержимое разливается на пол… В своей погоне за счастьем он не найдет ничего, кроме утомления, истощения и пустоты…» Я говорила – это кровь… Транзитная луна в квадратуре с Нептуном – следует остерегаться обмана… Меркурий – шестой градус десятого дома – «Голый среди одетых» – несчастья, одиночество, опрометчивый поступок, борьба, спор, риск… Двадцать шестой градус восьмого дома – «двойной топор»: обманы в любви, ссоры с детьми… Луна в квадратуре с Нептуном – нужно быть осторожным…

И повторила уже громче и тверже, подняв голову и глядя прямо в глаза седовласому:

– Я предупреждала его – нужно быть осторожным! Я предупреждала его специально, два дня назад!

Странно! Будто подтверждая эти ее слова, язычки света в настенных светильниках на миг вспыхнули ярче! Загоревшись, они выхватили из полумрака странный взгляд Ады – задумчивый, погруженный в себя взгляд с таинственными искорками, плясавшими в ее странных, вертикально поставленных зрачках, – и в следующую секунду снова ровно и равнодушно мерцали за ламповым стеклом…

– Вы знали, что хозяину салона угрожает какая-то опасность, и предупредили его? – насторожился Бугаец, поневоле нервно оглянувшись на странное поведение светильников. – Какая именно опасность? У него были враги? Недоброжелатели? Можете перечислить поименно?

– Враги или недоброжелатели есть у всех. Поименно? Пожалуйста. Земля. Вода. Небо. Воздух. – Рыжеволосая пожала плечами, и от Вероники не укрылось, что сделала она это слегка презрительно. – Не будьте наивным, тем более что у вас это плохо получается. Представителям вашей профессии должно быть известно, как никому: если человека предупреждают об опасности, то, как правило, это означает, что нападения или неприятностей можно ждать в буквальном смысле отовсюду. Я просила Натана быть осторожным именно потому, что вчера, во второй половине суток, он был очень слабо защищен.

– Незащищен? Потому что он отпустил охранника?

– Ну… В том числе и поэтому.

– То есть два с половиной дня назад вы уже знали, что за полчаса до смерти потерпевший вдруг отпустит охранника?

– Конечно, нет. Я не ясновидящая. Скорее наоборот: Натан принял странное для себя решение отпустить охранника именно потому, что в этот час у него была чрезвычайно ослаблена защита.

– Тогда я ничего не понимаю, – медленно и с расстановкой произнес Бугаец. Прищурившись, он смотрел на Аду, и только желание сохранить лицо помешало ему бросить в лицо этой рыжей ведьме обвинение в том, что она морочит ему голову. – Я прошу вас отвечать на вопросы с предельной конкретностью! Считайте, что это официальный допрос. О какой опасности вы предупреждали Натана Блюхера и откуда у вас появилась информация о том, что ему вообще что-то угрожает? Как давно вы были знакомы с погибшим?

Весь этот разговор происходил посреди зала – Аде не предложили, как это было в случае с Вероникой, пройти в подсобное помещение. Негромкие голоса Бугайца и Ады еле слышным эхом отражались от стен подвальчика, навевая сравнение с жуткими казематами средневековой инквизиции. В застенке они тут, что ли?

Вероника только сейчас заметила: в центре зала остались стоять только следователь и Ада. Все остальные – оперативник Ильясов, шмыгающий носом младшина и она сама – уже несколько минут, как отступили в тень и стояли, подпирая спинами каменные стены.

Каждый из них понимал, какую малую роль он играет в разворачивающемся перед ними действе, и в то же время старался не упустить ни слова, ни звука из диалога между рыжей девицей и почтенным, седым, облеченным властью человеком.

– Насколько я разбираюсь в вопросах юриспруденции, официальный допрос проводится в здании прокуратуры или суда, и на такой допрос вызывают повесткой, – спокойно ответила Ада. – А кроме того, я имею конституционное право вообще отказаться от дачи каких бы то ни было показаний.

Это заявление, сделанное хоть и спокойно, но твердо, заставило следователя Бугайца если не смешаться, то уж, во всяком случае, несколько съехать с командирского тона. Он шумно сглотнул и сказал куда как миролюбивее:

– Что же плохого в том, чтобы помочь следствию раскрыть убийство вашего знакомого?

– Ничего, если следствие в обращении со мной будет держаться рамок вежливости и приличного поведения.

– Мне кажется, вам никто еще здесь не нагрубил… а впрочем, простите. Работа нервная. Так прикажете вызвать вас повесткой или поговорим здесь?

– Если будем взаимно вежливы, то почему бы не поговорить здесь.

– Отлично. Так слушаю вас.

– Как давно мы знали друг друга? – задумчиво повторила Ада ранее заданный вопрос. – О, наше знакомство нельзя назвать слишком уж продолжительным. Полгода назад Натан пришел ко мне с просьбой – обычной, если принять во внимание его профессию антиквара. Хотя вам эта просьба, возможно, покажется странной…

– Поконкретнее, пожалуйста. Кстати, давайте присядем, – спохватился Бугаец. – А то стоим, как в театре. Займитесь делом! – приказал он своим сотрудникам. – Что уставились? Здесь не цирк и не «кино привезли»! Все, что вам необходимо знать, я расскажу на первом же совещании по этому делу. По местам!

«Нашел все-таки на ком зло сорвать! – подумала Вероника. – А Ада молодец! Здорово его отбрила!»

Кадушкин с преувеличенным усердием зашуршал протоколами, защелкал ручкой и нырнул в подсобку. Опер Ильясов сел за столик охранника у входа и принялся изучать телефонную книжку покойного, сделав слишком равнодушное лицо, чтобы можно было поверить, что он перестал интересоваться разговором.

Вероника сделала еще один шаг назад, и полумрак подвальчика окончательно поглотил ее фигуру. Как повезло, что о ней все начисто забыли! Что ни говори, а сейчас начнется самое интересное, и даже дьявол не сдвинет ее с этого места!

– Может быть, и мы присядем? – предложила Ада и, не дожидаясь ответа от следователя, прошла за конторку и села на место Блюхера, весьма свободно и удобно расположившись в вертящемся кресле. Волей-неволей Бугайцу пришлось удовлетвориться не слишком удобным стульчиком для клиентов – кожаным сиденьем на длинной ножке, наподобие тех, что стоят у барных стоек.

Их разделял прилавок, на котором кем-то, видимо, экспертами, были аккуратно разложены вещи, извлеченные из карманов убитого: паспорт, записная книжка, смятая пачка сигарет, трубочка с валидолом, связка ключей и туго набитое портмоне.

За спиной у Ады возвышался шкаф со всякими безделушками, и в стеклянные дверцы этого шкафа затаившаяся за выступом стены Вероника могла ловить отражение следователя. Она заметила, что, устроившись напротив Ады, Бугаец отодвинул в сторону все, что лежало на столе. А сама Ада теперь сидела в нескольких метрах от нее – Вероника снова видела близко-близко эти странные кошачьи глаза, крупный рот и даже веснушки, ссыпавшиеся со скул и щек на длинную белую шею.

– Полгода назад Натан принес мне на… экспертизу, скажем так, да, именно на экспертизу один старинный рисунок. Это было очень интересное изображение, своего рода анатомический атлас, составленный, однако, не врачами, а астрологами. По моей оценке – в середине XVI века. Очень хорошо сохранившийся пергамент.

– Ах, так вы эксперт? Музейный работник?

– Вовсе нет. Я зарабатываю на жизнь совсем иным.

– Чем же, позвольте поинтересоваться?

Ада не ответила. Только взглянула на седовласого. Уголки ее губ приподнялись, выпуская улыбку, и на миг замерли, словно решая, достоин ли собеседник такого подарка. Затем Ада чуть приподняла подбородок и слегка прищурилась – совсем так, как это делают умные люди, разговаривая с теми, кто, и это заранее известно, все равно не поймет всей серьезности ситуации, сколько им ни объясняй.

– Так чем же вы зарабатываете себе на жизнь? Это секрет? – упрямо повторил Бугаец.

– Тем, что даю людям советы, – спокойно ответила Ада.

– Вот как! Интересная специализация! И что, она указана в едином тарифно-квалификационном справочнике работ и профессий?

– Никогда не интересовалась этими тонкостями.

– Просите за любопытство, но какого же рода советы изволите предлагать страждущим? – В голосе Бугайца слышалось неприкрытое раздражение, обильно приправленное тяжеловесным сарказмом. «Все бабы – дуры!» – эта незамысловатая мужская мудрость слышалась «между строк» всех последующих вопросов. – Советы о том, как похудеть за два дня на пару десятков килограммов? Или какого цвета помаду подобрать к новому платью? Как выйти замуж за миллионера? Или что такое ничего и как из него сделать что-то? А? В этом роде?

Соблюдать вежливость и дистанцию, предложенную Адой, ему удавалось все труднее.

«Он, наверное, женоненавистник», – с неприязнью подумала Вероника. Что за дурацкая манера разговаривать с дамой в тоне шута горохового? Хотя… она увидела, как рука следователя, заброшенная назад, несколько раз с силой помяла шею, и решила, что у Бугайца болит голова или он просто устал. Отсюда и раздражение. «Все равно это не оправдание…» – мелькнула сердитая мысль и оборвалась, потому что надо было слушать Аду.

– Я думаю, отвечать стоит только на ваш первый вопрос, потому что только первый вопрос задан вами действительно по делу, – по-прежнему спокойно ответила Ада, и две белые руки так же спокойно легли на подлокотники кресла. – Итак, вы просили подробностей – с

чего началось наше знакомство с Натаном… Как я уже сказала, он принес мне хорошо сохранившийся пергамент и попросил расшифровать знаки, которыми была испещрена нарисованная на нем человеческая фигура. Если эти знаки действительно имеют значение и замыкаются в какую-то логическую цепочку, то, значит, документ неподдельный и в самом деле имеет серьезную ценность. У Натана был повод тревожиться – в последнее время антикварный рынок наводнили подделки. Не так уж трудно, обладая современными техническими средствами, изготовить пергамент и затем «состарить» его. Гораздо сложнее, и даже почти невозможно, при помощи давно забытых символов и понятий наполнить его истинным смыслом. На это в мире способно всего несколько человек, которых можно пересчитать по пальцам одной руки.

– И вы хотите сказать, что, как это… «расшифровали» эту бумагу? – Бугаец снова поднял руку и принялся массировать шею.

– Пергамент.

– Один черт! Вы поняли, что там нарисовано, в этом медицинском атласе?

– Да. Собственно говоря, именно я и установила, что это медицинский атлас, а не просто рисунок, скажем, Ноя с его питомцами из библейского ковчега. На пергаменте была изображена фигура человека без брюшной стенки, в животе у которого сидит рак, сердце пожирает лев, голову топчет баран, ноги – обвили рыбы, а на плечах пристроились два одинаковых младенца и так далее.

– Страсть господня! – делано ужаснулся следователь. – Только при чем же здесь медицина? Наверняка просто древнее проклятие. Или, скажем, школяр какой-нибудь нашалил. Наши бездельники на партах рожи рисуют, а тогда, поди, на пергаментах.

– Разочарую вас – это невозможно, – бесстрастно ответила Ада, не переменив своей позы сфинкса. – Школяры XVI века, может быть, и занимались на уроках подобным озорством, но делали они это, смею вас заверить, не на пергаменте. Слишком дорогое это было бы удовольствие. Портить и разрисовывать бумагу, а не пергамент им было бы куда проще – ведь бумага знакома Европе уже с 751 года, когда ее впервые завезли из Китая, а потом и научились делать самостоятельно в итальянских и немецких мастерских. Пергамент же, как известно, изготавливался из кожи молодых животных – ягнят, телят, коз. Это был очень дорогой материал, но и очень долговечный – гораздо долговечнее бумаги! И именно поэтому его использовали для изложения особенно важных документов, которые необходимо было сохранить на века. В том числе и для медицинских книг.

– Хм!

Вероника видела, даже по спине следователя видела, что он страшно заинтересовался историей с пергаментом и еле сдерживает себя, чтобы не закидать Аду вопросами – как она расшифровала этот документ, что означал страшный рисунок, какое отношение две рыбы, обвивающие чьи-то голые ноги, имеют к великой науке врачевания?!

Но Бугаец, как видно, решил, что и без того слишком долго позволяет Аде вести разговор и быть хозяйкой положения. Он глубоко вздохнул, попрочнее укрепился на сиденье, достал из кармана пиджака блокнот, дешевую шариковую ручку. И только тогда, как бы просто для того, чтобы заполнить паузу – дескать, вот сейчас я подготовлю, и начнем говорить уже серьезно, а пока давайте покончим с вашими глупостями, – равнодушно спросил, не поднимая головы:

– Анатомический атлас, значит, говорите? Нечто вроде медицинской энциклопедии? Пожалуй, я и сам могу расшифровать такой рисунок, даже и не видя этого вашего пергамента. Рак в желудке – это, следовательно, злокачественную опухоль себе человек отрастил, баран в башке – глупый, значит, а эти – что там? – ребятишки на плече, так это силы, наверное, пациент был необыкновенной. Так?

Этим «так» он как бы интонационно подвел черту под пустопорожней болтовней, до которой снизошел из-за простительного для делового человека желания немного отвлечься от

забот. И занес ручку над блокнотом, всем своим видом показывая, что готовится задать уже другой, напрямую относящийся к делу вопрос.

– Нет, не так, – снова ласково, словно малому ребенку, сказала Ада. Уголки губ опять дрогнули, но улыбка на этот раз была шире, с блеснувшей на миг белоснежной полоской зубов. – Вы ошибаетесь, господин Бугаец, в связи с чем я с сожалением должна заметить, что в XVI веке с такими познаниями в медицине вы не поднялись бы в своей карьере даже до городского цирюльника.

Следователь вздрогнул и вскинул голову; Вероника фыркнула в своем укрытии и испуганно зажала рот кулачком; Ада спокойно смотрела на следователя поблескивающими сквозь прищур глазами, дотрагиваясь кончиком розового язычка до ровных мелких зубов – зубов хищницы. Вне зависимости от последствий произнесенные только что обидные слова доставили ей явное удовольствие.

Оскорбление было неожиданным и, может быть, даже незаслуженным, но в то же время не настолько сильным, чтобы серьезный мужчина уровня Алексея Бугайца мог показать, что обиделся. И именно потому, что все они это понимали, зрителям было особенно приятно засчитать седовласому следователю поражение. «Это тебе от всех баб, которые дуры», – с несвойственным ей злорадством подумала Вероника.

Выдержав прекрасную паузу, Ада продолжила:

– Медики времен Леонардо да Винчи считали, что на теле человека есть двенадцать зон, каждая из которых сопоставлялась с определенным знаком Зодиака. Наиболее уязвимыми частями тела у Овнов считались голова и лицо, у Тельца – горло и шея, Близнецы чаще испытывают проблемы с руками, Рак считался подверженным желудочным и легочным болезням, Лев должен беречь спину и сердце, Дева – низ живота и кишечник. Весы рискуют заполучить проблемы с почками и нервами. У Скорпиона чувствительна паховая область, у Стрельца – бедра и суставы. Самыми ранимыми у Козерога являются колени, кожа, скелет и прилегающие к нему мышцы, Водолей должен беречь голень, мышцы и лодыжки, и, наконец, Рыбы не должны допускать ранение ступней. Это и есть моя расшифровка пергамента, который мне принес на экспертизу Натан Блюхер.

– Ерунда! – отрезал следователь. Голову он не поднял, только нервно повел шеей. – Сказки для рефлексирующих барышень, которым больше нечем заняться, и не более! Давайте-ка лучше вернемся к нашим баранам. Мне нужны факты, факты – и по возможности без отсылок к потусторонним силам. У меня есть труп вашего знакомого – это факт. А все ваши россказни про Зодиаки, знаки, ночные видения и всяких там кашпировских – это, извините, дым, фикция, мираж, бабские галлюцинации и тому подобная чушь. Ни один здравомыслящий человек никогда не поверит в серьезность всего этого.

– Чушь, дым, мираж, фикция? – Руки Ады сжали подлокотники, а сама она наклонилась вперед, к самому уху следователя. – Хорошо, допустим. Но… просто для того, чтобы доказать вам, что вы не правы… Можно и мне задать вам один вопрос? В конце концов, я еще сегодня никого ни о чем не спрашивала!

– Ну? – буркнул он. Вероника могла бы поклясться, что спина его напряглась еще больше.

– За что вы недавно получили выволочку от начальства? – тихо-тихо, почти шепотом, спросила Ада. – А? Провалили важное дело, совершили прогул или напортачили что-то по своей канцелярской линии?

– Что?!

– Ну-ну, не стоит стесняться того, что так очевидно! – сказала Ада, и Вероника своими глазами видела, как она успокоительно похлопала следователя по руке.

– Это… это черт знает что! У вас полностью отсутствует понятие о субординации! – рявкнул тот, отдернув руку.

– При чем тут субординация, мы же не в армии. И еще раз напоминаю вам – я не ваша подчиненная, могу встать и уйти отсюда в любой момент, ищите меня потом по всей Москве. Но вообще – вот вы и сами ответили на мой вопрос. Вас наказали за излишнее почтение к инструкциям и уставам – понятно. Так я и думала.

– О чем?! Что вы…

Бугаец поперхнулся и надолго закашлялся от возмущения. Пока следователя сотрясал кашель, Вероника под шумок поменяла левую затекшую ногу, опершись на правую, и весело оглянулась. Девушку давно уже не покидало ощущение, будто кто-то упорно сверлит взглядом ее спину; оглянувшись, она встретила не менее веселый взгляд опера в белой майке, который беззвучно смеялся, попеременно кивая ей на Аду и своего начальника.

Не было никакого сомнения в том, что, сидя за столиком у входа, он тем не менее не пропустил ни слова из того, что говорилось в противоположном конце зала! Более того – судя по сморщенной физиономии Ильясова, было совершенно ясно, что Ада угадала – строгому Бугайцу и в самом деле не так давно впаяли строгий выговор с предупреждением, да еще, поди, и с занесением в личное дело!

Это было приятно. Ильясов подмигнул Веронике, подтверждая ее догадку, Вероника подмигнула ему в ответ и снова притаилась у себя за выступом. Боже, как это все интересно!

Бугаец к тому времени уже прочистил горло.

– У вас что, есть знакомые в прокуратуре? – хмуро, не глядя на нее, спросил он свою визави.

– Нет. Но даже если бы я и имела таких знакомых, вряд ли кто-нибудь из них мог бы догадаться, что мы встретимся с вами именно сегодня. И успеть снабдить меня для этой встречи подробностями вашей биографии.

– Тогда как же вы узнали о… о том, что меня… эээ… что был выговор?

Улыбаясь, Ада откинулась на спинку кресла и слегка покачалась на ней – просто для того, чтобы обозначить этой расслабленной позой свою маленькую победу.

– С удовольствием вам расскажу. Сделаю это для того, чтобы показать вам, как многого можно достичь, если отдавать должное женской логике. И кстати, заодно – если не отворачиваться от зодиакальных законов, которые вы так презираете.

– С удовольствием послушаю, – в тон ей ответил Бугаец. – Просто для того, чтобы поймать вас на слове!

– Что ж, попробуйте! – Ада снова наклонилась к столу, поставила локти на стол, укрепила подбородок на сложенных чашечкой ладонях. – Итак, все по порядку. Сперва логика: мужчина вы солидный, наверняка перевалили далеко за пятый десяток, волос у вас седой и вид уж очень представительный – никак не ниже советника юстиции третьего класса. И вдруг сами выехали на место преступления, обычное, в общем-то, преступление, бытовое, ведь убили не бог весть какое государственное лицо. Такие убийства, как сегодняшнее, в Москве случаются едва ли не ежедневно. Возникает вопрос – с какой стати вы здесь? Добавим к этому, что, как я заметила, вы часто потираете себе шею, и не просто потираете, а тщательно массируете ее довольно точными движениями. Почему у вас болит шея? Следов ранения или травм на вас я не заметила, следовательно, речь идет о неврологическом заболевании – банальном шейном радикулите, который в принципе может возникнуть от разных причин, но самыми распространенными из них являются нервные переживания или переохлаждения. Продуть вас не могло – в эти дни стоит теплая и безветренная погода. Следовательно, это нервический радикулит, который возникает после перенесенных волнений на нервной почве. Принимая во внимание, что вас, судя по всему, недавно отстранили от кабинетной работы, делаю вывод: вы получили серьезный выговор от начальства и так распереживались, что это отразилось на вашем самочувствии. Выговор наверняка сопровождался советом «чаще выходить в народ» или «поню-

хать настоящей жизни», а то и прямым указанием выехать на первое же место преступления – я могу ошибиться в формулировках, но общий смысл, думаю, понятен. Вот почему вы здесь.

Все время, пока говорила, Ада не спускала со следователя глаз, и ее кошачьи зрачки то сужались, то расширялись, выпуская торжествующие искорки, которые плескались в этих глазах, как рыбки в изумрудной морской воде.

– Ну и наконец, остается рассказать, почему я решила, что выговор вам дали не за что-нибудь, а за излишний бюрократизм. И вот здесь к логике присоединяются так презираемые вами знаки Зодиака. Ведь вы – Козерог?

Бугаец дернул плечом, механически поднял руку, чтобы помассировать шею, опомнился, руку опустил, но и вопрос Ады тоже оставил без ответа.

– Вы – Козерог, – уверенно заключила Ада, словно следователь только что сам это подтвердил. – Недаром у вас болит именно шея. Ведь я минуту назад сама сказала вам, что скелет и мышцы скелета – наиболее уязвимые места у этого знака. Кроме того, на вас, господин Бугаец, очень добротные, основательные и практичные вещи: ботинки на толстой подошве, твидовый пиджак с глубокими карманами, крепкий кожаный ремень плюс водонепроницаемые часы и немодная в этом сезоне, но такая ноская нейлоновая рубашка. Все это применимо именно к Козерогу, который предпочитает носить деловую, удобную, прочную и обязательно практичную одежду…

«Он Козерог?» – глазами спросила Вероника у опера Ильясова. Тот, давясь от сдерживаемого смеха, энергично кивнул.

– А раз уж мы договорились, что вы – Козерог, – продолжала Ада, – то нетрудно представить и причины, приведшие вас к служебной неприятности. Вы, Козероги, большие любители права и закона – в вашем случае подтверждением этому служит выбранная профессия. Но именно из-за присущей вам страсти защищать инструкции и законы Козерогов часто обвиняют в излишней пунктуальности, педантичности, привязанности к бумажным циркулярам или, чтобы назвать все это одним словом, – в бюрократизме. Чем не причина для выговора? Ведь так оно все и было, не правда ли, Алексей Федорович?

Она впервые назвала Бугайца по имени-отчеству, но тот, кажется, этого не заметил, гневно дыша и даже фыркая, как ломовая лошадь.

Тяжелый кулак опустился на стойку между ним и Адой – будто гербовую печать поставили на Адином приговоре и тем самым отсекли возможность его пересмотра:

– Все! Хватит! Знаками, сказками, Зодиаками – сыт по горло!!! Я попрошу вас с этой минуты отвечать только на мои вопросы и не отвлекаться ни на что постороннее! В противном случае разговаривать будем не здесь!

– Не здесь? А где? У вас в прокуратуре? Значит, выговор – выговором, а кабинет с удобствами все же при вас остался?

Шея, которую Бугаец уже давно не массировал, чтобы не вызвать насмешки, побагровела. После тяжелой паузы, во время которой Ада жмурилась на него, словно сытая кошка, следователь решительным жестом раскрыл блокнот и заговорил громко и внушительно:

– Извините – сорвался. В последние дни на работе действительно сплошная нервотрепка, вот я и… Оставим все, что не относится к делу. Время уходит, драгоценное, между прочим, время. Вернемся к тому, с чего мы начали. Начали тогда, когда вы только сюда вошли. «Я предупреждала его – нужно быть осторожным!» – сказали вы, еще не зная, кто мы такие. Что значит – предупреждала? Что значит – осторожным? Значит, была какая-то опасность?

– Боже мой, но это же получается сказка про белого бычка! – пожала плечами Ада. – Я уже сказала, что опасность в той или иной мере угрожает каждому человеку. И никто не может предсказать с точностью до секунды, когда и с какой стороны она придет. В случае же с Натаном получилось так. После того как я помогла ему установить подлинность старинного пергамента, он обращался ко мне еще несколько раз – все с просьбами подобного рода. Мы

часто и подолгу разговаривали. И, как это часто случается с людьми одного склада мышления, подружились.

– Подружились?

– Между нами не было романа или флирта, если вы имеете в виду именно это. Меня и Натана Блюхера связывали теплые, доверительные отношения. Не более того. Двум умным людям чаще всего этого бывает вполне достаточно. Я не часто подпускаю к себе новых знакомых очень близко, но Натан оказался исключением. И поскольку он был мне близок, время от времени я составляла и рассчитывала его зодиакальный прогноз.

– Что? Вы опять?!

– Вы хотели правды – вы ее получаете. А ваши субъективные оценки моих показаний можете оставить при себе.

– Позвольте, а вот это вот все – «Я говорила – это кровь»… несчастья, опрометчивый поступок, борьба, спор, риск… какая-то Луна, куда-то едущая транзитом, – следует остерегаться обмана… Какой-то градус какого-то дома – фу, черт, смешно ведь звучит – градус дома! И прочая чушь, это, значит, все оттуда…

– Да. Это насторожившие меня аспекты прогноза, составленного по натальной карте Натаниэля Блюхера. Третьего дня я зашла к нему сюда и рассказала о том, что в ближайшие дни следует соблюдать осторожность. Тогда мне показалось, что он отнесся к моим словам с должным вниманием. Но теперь видно, что я ошиблась.

– Ясно. Все та же ерунда. Все! – Следователь с треском захлопнул блокнот. – Не смею больше вас задерживать! Черт возьми, потратить столько времени – и все для того, чтобы дать всласть наболтаться какой-то рыжей бабе!

После этих ужасных слов он, стойко выдержав взгляд Ады (она смотрела, чуть приподняв брови), сполз с сиденья, изрядно намявшего ему филейные части, развернулся и четким, строевым шагом скрылся в подсобке, ни разу больше не оглянувшись. Веронике показалось только, что, перед тем как захлопнуть за собой дверь, Бугаец слегка стукнулся о нее невидимыми рогами.

Аду как будто не коснулось оскорбление. Она рассмеялась – тихим и опасным смехом хищницы и, сделав легкое и плавное движение, будто сметая со стола остатки разговора, встала с места, в очередной раз поправив рыжую копну. На дверь, за которой скрылся Бугаец, леди Зодиак посмотрела мельком, задержав на ней взгляд не более доли секунды, но и за это время, заметила Вероника, на лице Ады успела мелькнуть и погаснуть все та же странная улыбка.

* * *

Вышли они вместе. Вернее, вышла только Ада, прошествовала (вот именно так) мимо опера Ильясова, и воображаемая горностаевая мантия, обогнув столик охранника, проследовала за своей королевой. А Вероника – прошмыгнула следом.

– Я… – сказала она, догнав Аду. И остановилась, не зная, что же дальше.

Рыжая не удивилась и кивнула Веронике, будто бы они увиделись только сейчас:

– А, это ты. Привет. Ну что? Будешь искать свой канделябр?

– Я не знаю, – растерялась Вероника. – Ой, а откуда вы знаете, что мне его так и не доставили?

– Натана убили вчера, в половине пятого, тяжелым тупым предметом. Следовательно, он не успел распорядиться, чтобы тебе доставили покупку. Зачем ты могла прийти сюда сегодня? Конечно, чтобы выяснить, почему муж остался без подарка и что за шутку проделал с тобой Блюхер. Твоего канделябра я в магазине не видела, и сама ты вышла оттуда с пустыми руками, вывод напрашивается сам собой: Натан, увы, принял смерть именно от дракона.

Все это она проговорила на ходу, не глядя на Веронику. Они вышагивали по Арбату (один шаг Ады равнялся двум шажкам Вероники), и людское море обтекало их с обеих сторон. Стесняясь того, что ей так не хочется расставаться с Адой, девушка старалась не отставать и все время украдкой заглядывала ей в лицо.

Вдруг леди Зодиак остановилась прямо посреди людского потока. Будто не замечая, что их толкают, она взяла Веронику за обе руки и сжала их крепко, по-мужски:

– Слушай, детка! Насколько я знаю людей твоего типа – ты не собираешься отказываться от своего дракона?

– Конечно, нет. Ведь этот канделябр принадлежит мне по праву, и я…

– Ну конечно. Ты будешь искать его, пока не найдешь.

Да, именно так она и решила. Правда, было еще кое-что: Вероника не могла избавиться от ощущения, что именно на ней лежит немалая часть вины за то, что случилось с Натаном. Почему убийца обрушил на голову несчастного антиквара именно ее канделябр? Да потому, что дракон, готовый к отправке, стоял на виду и показался очень подходящим орудием. Это ведь смертельная дубинка, если разобраться… А если бы Блюхер не вынул дракона и не выставил бы его на видное место, то очень может быть, что ничего бы не случилось! Ведь другого оружия у убийцы не было!

И вдруг на голову ей легла мягкая рука. Надо же, царственная Ада, оказывается, обладает и какой-то чувствительностью! И кто бы мог подумать, что у нее такие теплые, живые руки. Свысока – в прямом смысле свысока, потому что леди Зодиак возвышалась над Вероникой, как львица над своим котенком, она провела по ее волосам. Совсем так, как это делал Павка.

– Детка, не надо себя казнить за то, что случилось, – сказала она. – Поверь мне, ты не виновата. Натану следовало бы прислушаться к тому, что говорили звезды. И мне странно, что он этого не сделал.

– Наверное, он слишком доверял тому человеку, который пришел его убивать.

– Да, и это пока единственное объяснение.

– А вы можете сейчас глянуть на небо или, не знаю, в карты или амулеты, и узнать по гороскопу, кто это сделал, ну то есть кто убийца? – наивно спросила Вероника.

– Я не цыганка, не оракул, не авгур и не экстрасенс – сколько раз мне еще нужно это повторить? – нахмурилась Ада. – Если я делаю выводы, то это всегда закон Зодиака плюс логическое мышление. Пойми это раз и навсегда и постарайся больше не путать меня с лохотронщиками и тому подобными аферистами.

Вместо недавней эффектной, но спокойной женщины со спокойным взглядом и плавными движениями, напоминающими походку ленивой и сытой кошки, перед Вероникой теперь стоял гордый и страшный зверь со вздыбленной гривой. Она даже испугалась, что Ада вот-вот издаст громовой рев!

«Ну да… Ничего странного… Она же – Львица!» – вспомнилось вдруг. Краска бросилась Веронике в лицо, и она пробормотала, опустив голову:

– Я просто хотела… Я хотела попросить вас мне помочь…

– Я помогу тебе. Сегодня тебе лучше не предпринимать ничего без моего ведома. – Вероника открыла рот, чтобы спросить, почему это ей так не доверяют, но тут Ада снова положила руку ей на голову и сказала тихо, одной себе, глядя при этом на солнце, как на лучшего друга: – Марс – смещается по знаку Рака, это знак Натана… Он приблизился к Сатурну – удачи в этом мало, девочку могут ожидать неприятности… Да, слышу – Марс в квадратуре с Нептуном – период кризиса, опасность неожиданных происшествий. Придется мне вмешаться. – И, тряхнув головой, она обернулась к Веронике и повторила: – Да, я помогу тебе. К тому же это еще и мой долг перед Натаном.

– А я? – спросила Вероника одними губами.

– А ты будешь слушаться, смотреть и наблюдать. И если окажешься настолько умна, что усвоишь предстоящий урок, то в конце пути тебя ожидает безусловная удача. Так согласна?

– Да!

Пусть ей суждено в который раз пострадать от своего неистребимого любопытства, но нельзя же, в самом деле, требовать, чтобы она вот так раз – и отказалась от полноценного приключения, манившего ее в свои сети перекатами Адиного голоса!

– Отлично! Значит, прямо сейчас мы отправимся.

Это она сказала уже на ходу.

– Куда?

– Домой к Натану. Это не очень далеко – здесь, на Остоженке.

Они свернули на Гоголевский бульвар, спустились по ступенькам к левой его стороне, миновали гранитную стену, решетку – все очень быстро, словно для дела, которому они решили себя посвятить, была дорога каждая минута.

– У вас есть ключ от его дома? – все еще пытаясь приноровиться к размашистым шагам Ады, спросила Вероника. – А что вы… то есть мы… а что мы хотим там найти?

– Девочка, знаешь, в чем разница между нами? – не оборачиваясь, бросила Ада через плечо. – Ты задаешь конкретные вопросы и ждешь, что я явлю тебе чудо, в два или три приема раскрыв предысторию преступления, а в конце назову имя убийцы. Разочарую тебя – этого не будет! Я астролог, но не волшебник. Если ты хочешь короткой истории с занимательным сюжетом и счастливым концом, сходи-ка лучше в кинотеатр на какой-нибудь из заморских боевиков.

Вероника почувствовала себя уязвленной. Однако! Предлагая… ну, скажем так – помощь и сотрудничество, Ада в то же время не слишком-то с ней церемонилась!

– Я же в отличие от тебя не жду, что действие начнет раскручиваться само по себе, вне зависимости от моего участия. Развитие событий иногда нужно подтолкнуть. Поэтому, – Ада наконец повернула голову и царственно улыбнулась Веронике, – поэтому я иду на квартиру Натана, совершенно не представляя себе, что там может быть для меня интересного. Но уверена, что начинать искать надо в его прошлом, а где современный человек хранит фамильные архивы? Конечно, у себя дома, где-нибудь в комоде между стопкой чистых полотенец и шкатулкой с документами.

– Почему – именно в прошлом?

– Потому что я помню расшифровку его натальной карты. До сих пор попадания были, что называется, «в десяточку»: несчастья, одиночество, опрометчивый поступок, борьба, спор, риск – картина убийства как на ладони! И транзитная Луна в квадратуре с Нептуном, что означает нарушение текущих планов, тоже сделала свое дело. Ведь убийца, которому Натан сам открыл дверь и с которым хотел встретиться наедине, дал знать о своем прибытии неожиданно. Иначе антиквар, предвидя, что после он будет занят каким-то разговором, отправил бы тебе канделябр заранее. Как и все Раки – а Натан был рожден двадцать пятого июня! – Блюхер был очень педантичен и подозрителен к незнакомцам! Меня интересует сейчас третья ступень – двадцать шестой градус восьмого дома в Меркурии, который предостерегал убитого от обманов в любви, семейных неурядиц и ссор с детьми. Это очень странно, потому что до сих пор я не знала, что у Натана есть дети. Он жил один. Но мужчина на восьмом десятке лет, безусловно, должен иметь прошлое. И дух этого прошлого я намерена вызвать сегодня!

– Вы же были дружны! Значит, господин Блюхер что-то рассказывал вам о своей семье! – осенило Веронику.

– Да нет, наши отношения с Натаном не перешли в сферу интимных откровений. Мы говорили больше о делах – о делах, которые интересовали нас обоих, и эти разговоры занимали нас больше, чем чьи-то покрытые пылью воспоминания.

– Вы говорили об астрологии? О Зодиаках?

– Ну, в том числе.

– А ключ? От квартиры? У вас есть запасной, да? Вам Натан дал?

– Ключа нет. Но ты же не забыла, что я – Львица? Львицы берут все, что им надо, не спрашивая на то особого разрешения.

И быстро сунув руку в свою объемистую сумку, Ада тут же вынула ее и потрясла перед изумленной Вероникой надетой на палец блестящей связкой ключей. Девушка узнала в них те, что лежали между Адой и следователем во время их разговора. Те самые ключи, которые эксперты извлекли из карманов мертвого антиквара!

– Откуда они у вас?! Вы что, вы… Вы украли их со стола?

– За такое оскорбление, детка, мне бы следовало щелкнуть тебя по носу, – весело промурлыкала Ада, и связка скользнула обратно в глубины сумки. – Но я буду снисходительна, тем более что, в сущности, ты права. Хотя я бы предпочла другой термин: не украла, а подхватила, подобрала, взяла, позаимствовала, одним словом – сделала все, чтобы мы с тобой беспрепятственно попали в нужную нам квартиру!

Она тряхнула гривой, в которую закрался и заиграл очередной солнечный луч, и зашагала дальше, придерживая на плече ремень большой, расшитой крупными узорами сумки. Веронике, наконец, показалось немного обидным семенить вслед за величественной особой, отмеряющей шаги с кошачьей ловкостью, и она немного отстала. «А ты даже не оглянулась!» – подумалось с обидой в спину Аде.

– Не отставай.

Впереди зазолотились в солнечном мареве крыши Остоженки, скрывающие столько блистательных судеб и готовые принять под свой гостеприимный кров новых великосветских персон. Ада уверенно прокладывала себе путь к одному из домов. Ограненная панорамными окнами высотка, фасад которой был отделан травертином светлых тонов, отчего-то вовсе не смотрелась неприступным зданием «для избранных», а гостеприимно замигала Аде солнечными зайчиками, которые радостно забегали по стене и асфальту.

– Вы здесь уже были когда-то?

– Нет. Но адрес знаю: Натан приходил ко мне советоваться, прежде чем купить здесь квартиру.

– И что?

– И день, который я назвала, оказался действительно удачным: через несколько часов после того, как он оформил сделку, в агентство недвижимости пришел факс от застройщика с указанием продавать квартиры на тридцать процентов дороже.

С этими словами Ада приложила к «глазку»-сканеру один из электронных ключей, уверенно взялась за массивную ручку из полированного дерева и вместе с Вероникой вошла в просторный, выложенный мрамором холл. Отчаянно робея от роскоши отделки и от того, что на пороге этого царства элитных жильцов элитного района Москвы вот-вот появится какой-нибудь цербер, который вышвырнет их обратно на улицу, Вероника следовала за Адой с замирающим сердцем. А Ада, напротив, действовала очень уверенно: набросив на лицо маску несколько скучающей жилицы, которая в сотый раз и на автомате проделывает одни и те же движения, она на ходу прикладывала ключи к электронным замкам и открывала одну стеклянную дверь за другой. Не встретив никаких препятствий, они вышли к лифту и быстро поднялись на шестой этаж.

– Странно, что здесь не оказалось консьержа, – пробормотала Вероника, чувствуя, как робость отпускает ее немножко.

– Этот дом напичкан камерами видеонаблюдения, как французский кекс – изюмом, – усмехнулась Ада. – За нами наблюдали невидимые ангелы-хранители.

– Ой! Так они нас поймают?!

– За что же? Пока еще мы не совершили никакого преступления, скорее напротив!

И, подняв голову к потолку, Ада одарила улыбкой и воздушным поцелуем крохотный «глазок» видеокамеры, на который в другое время Вероника просто не обратила бы внимания. «Ну и выдержка – с ума сойти!» – в который раз за сегодня пролетело у нее в голове.

* * *

Квартира антиквара выглядела так, как, по представлению Вероники, и должно выглядеть жилище человека, умеющего устроиться с комфортом. Конечно, если для этого есть деньги, а деньги у Натаниэля Блюхера, разумеется, были.

Все комнаты – числом три – носили отпечаток очевидного вкуса и выдавали тягу хозяина к классической обстановке. Дубовый паркет, тяжелые шторы с замысловатыми ламбрекенами, пушистые персидские ковры с длинным ворсом, скрадывающим шаги и располагающим к неторопливости и неге… В простенке между спальней и гостиной – небольшая библиотека, составленная, однако, из очень дорогих и редких изданий. В спальне – добротный гарнитур, инкрустированный разными породами дерева, в гостиной – восточный диванчик – оттоманка, стенка, стулья с гнутыми ножками и круглыми спинками, большой стол; в кабинете – глубокие замшевые кресла возле массивного ясеневого письменного стола и множество этажерок и ящиков с выдвижными полками.

Было совершенно очевидно, что именно в кабинете хозяин проводил большую часть времени: все, в чем он мог бы нуждаться, от прекрасных письменных принадлежностей до сигар, золотой зажигалки и встроенного холодильника с минеральной водой было приготовлено здесь внимательной рукой. Единственное, что несколько выбивалось из общего интерьера, – это большая трехстворчатая ширма, разрисованная японскими цветами и рисунками. Поставленная справа от стола, она отделяла и скрывала от глаз довольно значительную часть комнаты.

– Не стой столбом, ты не на экскурсии. Помогай!

Оглянувшись на Адин голос, Вероника увидела, что та по-хозяйски орудует в ящиках письменного стола. Толстые папки в обложках из дорогой кожи вынимались из глубин и шлепались на столешницу.

– Мы ищем что-то конкретное? – Подойдя к столу, Вероника осторожно дотронулась кончиками пальцев до одной из папок.

– Смотри все подряд. Не забудь – нас интересует прошлое хозяина!

Папка открылась с натугой, кожаная обложка норовила захлопнуться, и приходилось придерживать ее руками. В конце концов, отчаявшись справиться самостоятельно, Вероника зафиксировала обложку массивной малахитовой пепельницей. Мелькнули пожелтевшие страницы каких-то старых книг или изданий, «1866 годъ», – прочлось сверху – ой, мама, как давно, в позапрошлом веке!

Похолодевшие от волнения пальцы осторожно листали переложенные калькой выпуски журналов «Русскій Антикваръ». «Библіофилъ», «Русскій Ювелиръ»: И газеты – «Московскія Ведомости», «Русскій инвалидъ», «Голосъ»:

> *«Опъка над именіем и детьми умершего купца Павла Дмитриева Храінского сим объявляетъ, что в оной продаітся фортепъяно. О цъне узнать у опекуновъ Демидовыхъ, близъ первой части управы, по Мыльниковской ул., в собственномъ доме опъкуна Дмитрия Демидова»,*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.